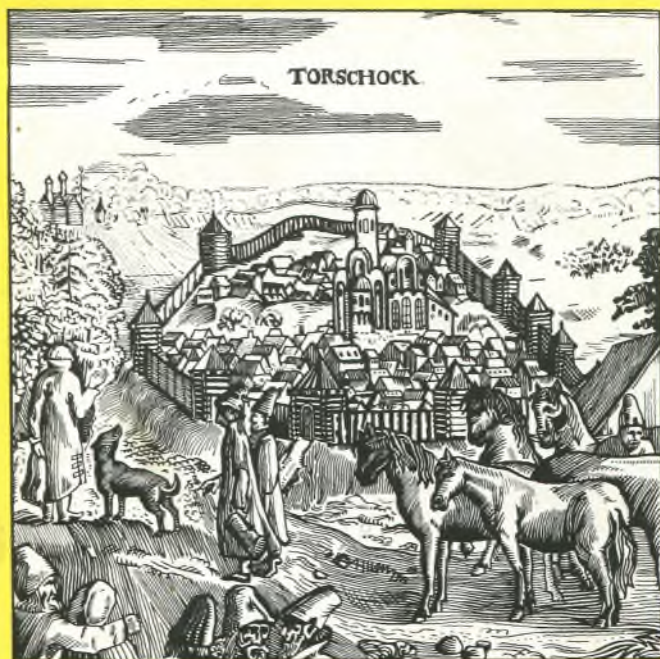
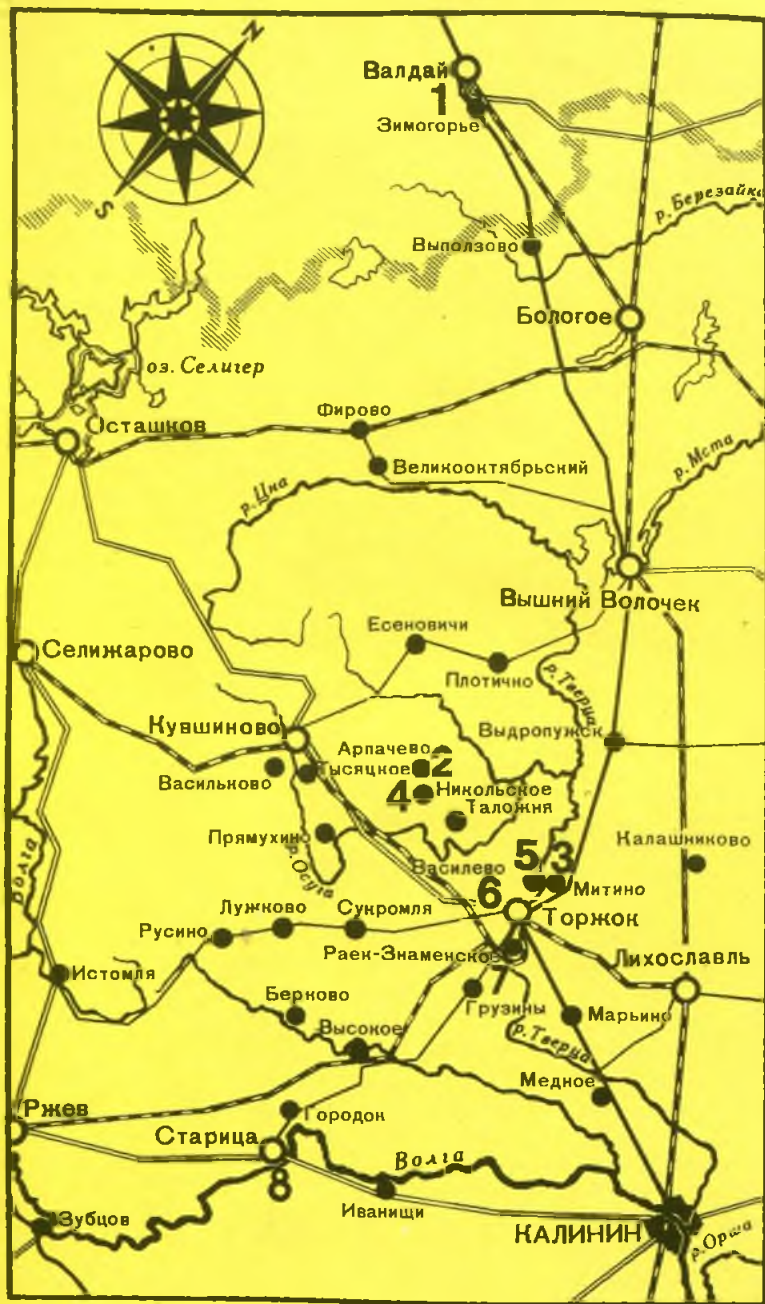

ОТ ВАЛДАЯ ДО СТАРИЦЫ

1. Валдайский Иверский монастырь. XVII в.
 2. Церковь и колокольня в Арпачеве. XVIII в.
Архитектор Н. А. Львов.
-

3. Пирамида-погреб в усадьбе Митино. XVIII в.
 4. Церковь-мавзолей в Никольском-Черенчицах. XVIII в.
-

5. Мост в усадьбе Василево. XVIII в.
 6. Церковь Вознесения в Торжке. XVIII в.
-

7. Парковый павильон в усадьбе Знаменское-Раек. XVIII в.
 8. Старицкий Успенский монастырь. XVI в.
-

72C1
B20

8-1-2

229-67

ОТ ВАЛДАЯ ДО СТАРИЦЫ

О. Д. БАЛДИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ИСКУССТВО»

МОСКВА

1968

СОДЕРЖАНИЕ

1. В а л д а й _____
 Строительство Иверского монастыря на острове «невеликом, но зело прекрасном» (10). Успенский собор, трапезная, колокольня и сторожевые башни — памятники монументального зодчества середины XVII столетия (19). Иверский монастырь — первенец строительной деятельности патриарха Никона. «Здесь великое бывое словно дышит в забытии...» (25). Валдай — город на пути из Петербурга в Москву. Екатерининская церковь — памятник русского классицизма (26). Вышний Волочок — «никогда не проезжал я сего нового города, чтобы не посмотреть здешних шлюзов...» (29).
2. Т о р ж о к _____
 «Хлебный» Торжок и его трагическая судьба в прошлом (31). Золотошвейное искусство в Торжке (34). Археологические находки на берегу Тверцы (39). Городские валы — свидетели многовековой истории Торжка (39). Спасо-Преображенский собор — преемник старого городского собора XIII века (41). Борисоглебский монастырь и его сохранившиеся постройки: Введенская церковь, колокольня и настоятельские покои (43). Борисоглебский собор, колокольня с надвратной церковью — новые сооружения, замечательные творения Н. А. Львова (44). Жемчужина Торжка — деревянная церковь Вознесения XVIII века (49). Памятники классицизма в Торжке: храм-ротонда Н. А. Львова, Путевой дворец, гостиный двор и жилые здания (52). Усадьба Никольское-Черенчицы — родовое поместье архитектора Н. А. Львова (59). «Храм солнцу» — лучшее создание Н. А. Львова (62). Усадебные сооружения — «ни меж озер и куц приятных, но всюду радость и восторг...» (66). Дворцовый комплекс усадьбы Знаменское-Раек — характерный ансамбль эпохи русского классицизма (70). Медное — живописное старинное село на пути к Калинин (78).

3. Старица

Старица — резиденция Ивана Грозного (80).
 Возрождение Успенского монастыря князем Старицким (82). Художественная мастерская по шитью княгини Старицкой (83). Плащаницы — замечательные произведения декоративно-прикладного искусства (83).
 Церковь Успения в селе Иваниши — древний памятник архитектуры тверской земли (84).
 Ансамбль Успенского монастыря — трапезная с церковью Введения, Успенский собор, колокольня с надвратным храмом — уникальный памятник древнерусского зодчества (86).
 Троицкий собор и надгробные памятники в монастыре (92). Старицкое городище — одно из древнейших в нашей стране (99).
 Борисоглебский собор, не сохранившийся до наших дней — современник храма Василия Блаженного (104). Старицкая монументальная керамика (105). Борисоглебский собор с колокольней и Пятницкая церковь — архитектурные памятники рубежа XVIII—XIX веков (108).

Библиография

Будьте верны музе далеких странствий и путешествуйте в меру своих сил и свободного времени. Потому что каждое путешествие — это проникновения в область значительного и прекрасного.

К. Паустовский

Как много интересного и увлекательного порой таится в небольших малоприметных русских городках! Нередко они хранят такие сокровища, которые не уступают знаменитым памятникам национальной культуры. О них с полным правом можно сказать словами В. Г. Беллинского: «По одним этим памятникам можно было бы прочесть в главных очерках историю Руси».

Совершим же и мы непродолжительное путешествие в несколько таких городов. Три города — Валдай, Торжок и Старица — станут местом нашего пребывания. Валдай и Торжок расположены на одной из центральных магистралей нашей страны — Москва — Ленинград, только Старица лежит в стороне от нее. Асфальтированное шоссе протянулось на 725 километров. Дорога эта очень древняя, соединяющая восточные районы Руси с Новгородом и западноевропейскими странами. В XVIII столетии с основанием Петербурга роль этого сухопутного пути возросла еще больше. И в наши дни значение дороги трудно переоценить. Днем и ночью не прекращается движение транспорта, проносятся легковые и грузовые автомашины, идут междугородные автобусы.

Проезжая по автомагистрали через Валдайскую возвышенность, нельзя остаться равнодушным к ее необычайно живописным местам. И, вероятно, нет ни одного человека, который не знал бы о красоте Валдайского края, о его густых прохладных лесах с глубокими чашами голубых озер, не слышал бы об Иверском монастыре. Хотя архитектурные сооружения города Валдая срав-

нительно позднего времени, тем не менее многие из них являются интересными памятниками русской культуры.

Другой город, который нам предстоит осмотреть, — это Торжок, насчитывающий тысячелетнюю историю существования. Некогда Торжок входил в состав владений Великого Новгорода, с XIV века был отторгнут Тверским княжеством, а в 1478 году присоединен к Москве. На долю Торжка выпали тяжелые испытания. Будучи крепостью Новгорода, он выдерживал частые осады и натиски зарубежных врагов и враждующих русских князей. Однако за долгие века своей жизни город знал не только периоды разрушений, войн и упадка, но и расцвет культуры. Древние мастера не раз воздвигали здесь замечательные сооружения, ставшие впоследствии широко известными памятниками зодчества. Здесь же трудились живописцы и художники прикладного искусства, создавшие немало произведений высокохудожественного мастерства.

Не доезжая до Калинина, крупнейшего современного города, мы свернем в сторону ст автомагистрали. Наш путь проходит мимо него, он лежит к старинному городку на Волге — Старице.

Старица была с XIII века важным военным и торговым пунктом Великого Тверского княжества, охраняя его рубежи на юго-западе. В то время могущественное княжество «Богатая Тверь», как ее называли в XIII—XIV веках, было опасной соперницей Москвы в объединении Руси.

В Старице, так же как и во многих древнерусских городах, сохранились архитектурные памятники — свидетели славных страниц истории нашей Родины.

К сожалению, многие архитектурные сооружения находятся сейчас в полуразрушенном состоянии, что, понятно, затрудняет и осложняет их восприятие и эстетическую оценку. Тем не менее и обветшалые они невыразимо привлекательны, будучи отмечены не только высоким мастерством, но и редким своеобразием.

Во время всего путешествия нас будет неотступно сопровождать знакомый, но всегда такой обаятельный среднерусский пейзаж. Он словно вторит архитектурным памятникам, сливаясь с ними в неразрывное целое, надевая все вокруг особой, неповторимой красотой.

Итак, в путь!

1. Валдай

Когда б не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здесь остался б

наслажденье
Вкушать в неведомой тиши.

А. С. Пушкин

По мере приближения к Валдаю равнинный характер окрестностей автомагистрали Ленинград — Москва начинает меняться. Все чаще сбегают к низинам обширные склоны, раскрываются дали бескрайних лесов, множатся затяжные подъемы, а всхолмленные поля порой так обильно усеяны валунами, что кажется, словно здесь пасутся бесчисленные стада деревенских светло-серых овец. Невольно вспоминаются забытые страницы учебника географии, где рассказывается о Валдайской возвышенности, о древних ледниках, некогда принесших сюда осыпи обкатанных могучими льдами округлых камней, о природе, поражающей своей силой и щедростью, о ее заповедных девственных уголках, о том, что именно здесь нашли свое начало многие русские реки.

К этим следам давно минувших эпох прибавляются другие, оставшиеся памятью о деятельности человека. Среди камней, сгрудившихся по межам и опушкам, нередко виднеются небольшие холмики — это курганы, насыпанные на местах захоронения наших древних предков — славян. От них тянутся нити воспоминаний к легенде о человеке по имени Валда, который когда-то обосновался на берегу красивейшего озера, создав целое поселение. Память о нем давно исчезла, но возможно, что имя его послужило названием одному из живописных мест на Валдайской возвышенности.

Сохранилось в памяти и необычайно поэтичное предание о том, что здесь, на Валдае, разбился новгородский вечевой колокол, вывезенный московским великим

князем Иваном III в конце XV века, и пошли звенеть знаменитые валдайские колокольчики и бубенцы под дугами русских троек.

«Вот мчится тройка почтовая
По Волге-матушке зимой,
И колокольчик — дар Валдая —
Гремит уныло под дугой...» —

так пелось в русской песне под частый перебор копыт лихих троек, мчавшихся по дорогам России.

Преодолев последние, особенно трудные подъемы, добравшись до высоких холмов Валдая. Где-то рядом змеятся рельсы железной дороги. Именно отсюда, с этого места — своего рода смотровой площадки, — открывается необычайное зрелище на бескрайние просторы валдайской земли. Забываешь и усталость долгого пути, и надоедливый грохот мотора, и обильные дорожные впечатления. Здесь с особенной остротой ощущаешь своеобразную живописность и поэтичность неяркого среднерусского ландшафта.

С холма во все стороны разбегаются улицы и переулки старинного городка, который найдешь не на всех картах. Вдали прозрачно сияет озеро, уходящее к самому горизонту, и над темным силуэтом острова четко выступают купола строений и шатровые башни стен монастыря. Это Иверский монастырь — редкостное творение человеческих рук, первая грандиозная постройка, осуществленная патриархом Никоном после более чем тридцатилетнего перерыва в строительстве, вызванного Смутным временем в стране в начале XVII века.

Монастырь расположен на одном из островов красивейшего Валдайского озера. Недаром Никон славился умением выбирать для своих сооружений особенно привлекательные, щедро одаренные природой места. Борясь за приоритет духовной власти над светской, Никон стремился создать в своих монастырских и церковных постройках величественные и оригинальные сооружения, превосходившие царские. Эту черту отметил еще Павел Алепский — сирийский путешественник XVII века. «Никон своими стараниями, — писал он, — воздвиг близ города Новгорода новый монастырь среди острова на великолепном пресноводном озере, соперничая в этом с постройками царских мастеров...». Даже искушенный Павел Алепский не скрывает восхищения перед красотой этого края: «...поистине нет ему подобного в мире, и в будущем оно станет примером всем векам...»

Мысль о строительстве Иверского монастыря, очевидно, появилась у Никона после поездки в Новгород в 1651 году в связи с его назначением новгородским митрополитом. Озеро в холмистых берегах, покрытых вековыми елями и соснами, острова на фоне растворившегося в воздушной дали пейзажа, необычайная тишина и покой, где, казалось, царили только ароматы лесов, — все это настолько поразило воображение Никона, что он решил основать на этом «благословенном» месте монастырь.

Став патриархом, Никон после вторичного посещения Валдая, летом 1652 года, приступает к осуществлению задуманного. В том же году он посылает на Валдай группу строителей для поисков места под будущие строения. Их выбор падает на средний остров небольшого размера — «не зело велик, но зело красен и рыбными ловлями окружен». Без промедления, тотчас же начали вырубать лес на острове, временно ставить деревянные постройки, сажать на острове фруктовые деревья. Все строительство было возложено на игумена нового Иверского монастыря. Ему-то непрерывно и слал свои грамоты обеспокоенный медленным строительством русский патриарх. Никон торопился — за эти годы у него зародились и другие, не менее грандиозные замыслы. Нужно было многое успеть, а на Валдае все еще оттягивали закладку каменных зданий — не хватало строительных материалов, квалифицированных рабочих рук, да и лето было слишком коротким.

В Иверском монастыре Никон задумал каменный собор с «папертями на подклетах», как в Соловецком монастыре. Подобное желание патриарха не было случайным. Тяжелые годы своей жизни после смерти детей Никону пришлось провести в Соловецком монастыре. Суровые и лаконичные формы этого северного русского форпоста неизгладимо запечатлелись в его памяти. Они, как никакие другие, отвечали его душевному состоянию и ожесточившемуся от горя характеру.

Никон слал грамоту за грамотой. «Бога ради, — писал он игумену, — не оплошно порадей о святом месте». Спрашивал он и о наличии денег в монастырской казне, о запасах строительного материала. Не замедлил отправить на Валдай группу мастеров с подмастерьями, вывезенными из Белоруссии. Вскоре монастырские власти организовали на месте производство кирпича, заготовку извести и обучение ремеслу набранных для строительства «рабочих людей». Приехал из Торжка кузнец Васьяка Яковлев Головня «для церковного связного и всякого

*Валдайский Иверский
монастырь. Общий вид*

кузнечного дела». Не прекращались подготовительные работы и зимой. По льду Валдайского озера на санях местные крестьяне, приписанные к монастырским владениям, возили камень и дубовые сваи. Весной пришли кирпичники и обжигальщики, а вместе с ними приехал в монастырь «подмастерье каменных дел» калязинского Троице-Макарьевского монастыря Аверкий Мокеев. И с тех пор на протяжении нескольких лет, как только начинало пригревать весеннее солнце и вплоть до заморозков, работал в Иверском монастыре Мокеев, возводя каменные постройки — Успенский собор, трапезную, патриарший корпус и колокольню. Обладавший не только большим практическим опытом ведения строительных работ, но и даром зодчего, Мокеев создал в своих сооружениях образы большой силы, отвечавшие представлениям о Русском государстве, его величии и мощи.

В 1656 году была закончена первая основная постройка на территории монастыря — Успенский собор. Одно-

временно возведены и деревянные стены ограды с десятью крытыми шатрами-башнями и четырьмя воротами. 28 августа 1656 года состоялось освящение нового собора, на котором присутствовал гость — антиохийский патриарх Макарий, однако самого Никона не было. Он выехал в Иверский монастырь только в сентябре 1656 года в «заморской карете», специально купленной для путешествий, но болезнь задержала его в Твери на много недель. Выпал снег, ударили морозы, продолжать поездку можно было только на санях. Срочно соорудили сани по особому заказу патриарха, снаружи окованные железом, внутри обитые войлоком и окрашенные «архиерейскими иконописцами». В них Никон и прибыл на Валдай в декабре, вместе с ним приехала и царица со своим многочисленным семейством и домочадцами, а также высшее духовенство из столицы и окрестностей Валдая.

Многое еще на территории монастыря оставалось недостроенным. Мороз крепко сковал землю, покрыл все вок-

руг пушистым снегом. Монастырь, еще не законченный, наполовину деревянный, в окружении могучих деревьев, посередине безмолвно замерзшего озера, поразили всех, кто приехал посмотреть на постройку патриарха.

Главное место в панораме монастыря принадлежало Успенскому собору. Он стоял на возвышенном месте — белоснежный, словно высеченный из огромной монолитной глыбы, как бы вырастая из низкой галереи, которая опоясывала его со всех четырех сторон. Маленькие башенки галереи еще больше подчеркивали его высоту и величие форм. Собор казался могучим и неприступным.

Богослужение в честь приезда Никона происходило в торжественной обстановке, в присутствии большого количества гостей. Рано спустились декабрьские сумерки. В вечернем полумраке мерцали зажженные свечи, бросавшие блики на высокий иконостас. Для украшения собора было выписано Никоном из-за границы огромное паникадило из желтой меди, по описанию Павла Алепс-

*Надвратная церковь
архистратига Михаила
Валдайского Иверского
монастыря. XVII в.*

кого, «величиною с большое дерево, с цветами, птицами и неопикуемыми диковинами, ценою в девятьсот динаров». Игумен Иверского монастыря богато одарил всех присутствующих дорогими подарками. Так, архиепископу Тверскому поднесли «кубок серебряный, бархат турецкий золотой, 40 соболей и 30 золотых». Не был забыт и архимандрит Новоторжского Борисоглебского монастыря. Ему преподнесли «объяр зелена, дороги двоеличные и 10 золотых». Много вознаграждений было роздано от имени Никона. Сумма, потраченная им на благотворительность, — довольно большая по тем временам — равнялась 383 рублям.

В связи с ожидавшимся приездом царя Алексея Михайловича в Иверский монастырь строительство вновь оживилось. Никон придавал посещению царя немаловажное значение, вот почему он отправляет монастырскому начальству грамоту, в которой обстоятельно перечисляет все, что надо сделать к этому торжественному

*Братский корпус
Валдайского Иверского
монастыря. XVII в.*

*Братский корпус.
Деталь украшения*

дню. Прежде всего необходимо было украсить Успенский собор «стройно и чинно» иконами и другой церковной утварью, затем соорудить за правым клиросом царское место и «велеть вырезать хорошо», а за левым — патриаршее, не менее богатое, чем царское, достойное русского патриарха. Вскоре он отдает распоряжение о строительстве новой, весьма важной постройки монастыря — каменной трапезной. Аверкий Мокеев завершает возведение трапезной в 1658 году. Позаботился Никон и о постройках за пределами монастыря. В окрестных деревнях он приказал поставить новые дворы, а «хоромы починить». Много внимания уделяет Никон улучшению охраны в монастыре. Придавая большое значение монастырю как оборонному пункту на западных границах, он посылает туда пушки с ядрами, ружья с порохом и охрану в двести стрельцов. В своей грамоте Никон напоминает о починке башен, о подготовке оружия и отдает распоряжение поставить по одному пушкарю возле

каждой пушки, а также набрать стрельцов из крестьянских детей, «добрых и хороших молодцов».

Готовясь к приему царя, Никон хотел окружить его великолепием и роскошью. Большую роль призваны были сыграть искусство — музыка, пение, архитектура, живопись, — одежда и даже особое расположение кораблей на озере, усиливающие впечатление от окружающего пейзажа. Все продумал и предусмотрел Никон. Однако тщательные приготовления к встрече царя оказались напрасными. Очень скоро произошли события, которые отразились не только на дальнейшей судьбе Никона, но и на задуманных им постройках. Далеко зашедший в своем властолюбии, Никон оставляет патриаршество, думая этим сломить своих врагов. Он удаляется в Новый Иерусалим, где начинает строительство еще более грандиозного собора. Все мастера и строители с Валдая переводятся на новую, невиданную по своему размаху стройку. Строительство же в Иверском монастыре замирает.

В последний раз Никон посетил Иверский монастырь в 1659 году, где прожил несколько месяцев, после чего навсегда покинул Валдай, так и не увидев завершенным до конца свое первое любимое детище.

Только в 1666 году была закончена каменная колокольня, а еще позже, в конце XVII столетия, уже после смерти Никона, достраиваются въездные ворота, корпуса келий и ограда с башнями.

Взору человека, который отправляется на остров к монастырю, открывается величественная картина. Монастырь отделен от берега довольно значительным расстоянием, отчего голубая дымка над озером чуть скрадывает суровые контуры зданий. Они расположены по длине всего острова широко и свободно, создавая в целом исключительно живописную и уравновешенную группу.

Высадившись на берег с западной стороны монастыря и пройдя через ворота в небольшой дворик, предшествующий собственно монастырю, останавливаешься перед главными святыми воротами — церковью во имя архистратига Михаила, построенной в конце XVII века в традициях своего времени. Это довольно высокое трехъярусное сооружение, завершенное небольшой главкой, нижний ярус прорезан широкой аркой.

Справа и слева от входа в монастырь находятся корпуса келий, построенные, видимо, также в конце XVII века. Они чаще всего использовались для приема богомольцев, в качестве гостиницы. Наличники и порталы монашеских келий выполнены в стиле московского барокко, но доста-

точно сдержанны, без разорванных фронтонов и декоративных гребней. В более богатых со стороны монастырского двора наличниках и порталах имеются декоративные вставки с растительными мотивами, высеченными в белом камне.

Местное предание связывает с именем Никона каменный корпус, слева от входа в монастырь. Сейчас он, как и ряд других сооружений, значительно переделан.

Большая часть каменной ограды с башнями была, очевидно, построена в 80-х годах XVII века. Только с востока и юга она имела ходовую, покрытую тесом галерею с бойницами, в остальной же своей части она была построена в виде простой и сравнительно невысокой стены.

Обращают на себя внимание две из сохранившихся угловых башен, одна из них — левая, северо-западная, самая большая в оборонительном поясе монастыря — носит название Патриаршей. У Патриаршей башни поражает широкая и мощная нижняя часть, которой как бы противопоставляется стремительное и легкое по своим формам завершение. Некогда в ней, по преданию, были размещены печатные станки небольшой типографии, где Никон напечатал свою книгу «Рай мысленный».

Входя на территорию монастыря, невольно испытываешь волнение. Кажется, что старинные сооружения, так же как сама земля и деревья небольшого острова, хранят память о людях, создавших этот удивительный ансамбль. «Здесь великое былое словно дышит в забытии...».

Перед нами — площадь. Это центр монастырского ансамбля. В глубине виден собор, слева от него — трапезная, справа — колокольня. Все три сооружения удивительно слиты, как бы спаяны друг с другом. Каждое здание составляет неотъемлемую часть общей композиции монастырского комплекса.

Успенский собор является основным сооружением ансамбля. Это необыкновенно внушительное здание, один из самых больших соборов XVII столетия в нашей стране. И сейчас, триста лет спустя, он не утратил своего былого величия. Здание собора отличается простотой и монументальностью своих архитектурных форм. Здесь нет никаких нарочитых украшений. Стена собора расчленена строгими по форме, заметно выступающими вперед широкими лопатками, между которыми расположены большие окна с откосами.

Более щедро украшены башенки галереи, опоясывающей собор. Находясь на уровне глаз зрителя, декоративные

элементы, украшающие башни, радуют зрителя своим разнообразием и нарядностью. Здесь и пояса, и ширинки, и висячие гирьки в проемах (они, к сожалению, не уцелели). Обилие декоративных деталей, однако, не кажется назойливым. Зодчий остался верен себе — ему нигде не изменяет чувство меры и художественный такт.

После низких уютных галерей с коробовыми сводами пространство собора кажется необычайно грандиозным. Особенно сильное впечатление оставляет интерьер храма в солнечный день. Лучи света, падающие из окон, наполняют собор какой-то прозрачной дымкой, сквозь которую проглядывают очертания массивных четырехгранных столбов с остатками росписей святых в разноцветных облачениях. Очень живописен при солнечном освещении и резной пятиярусный иконостас, на котором поблескивает позолота, заставляя оживать и струиться вниз резные гирлянды виноградных лоз и легкие витые колонки. Выразительны и входные дубовые двери, украшенные

*Патриаршая башня
Валдайского Иверского
монастыря. XVII в.*

затейливой, богато орнаментированной резьбой. Они выполнены талантливыми белорусскими мастерами, которые позднее принимали участие в устройстве Ново-Иерусалимского собора.

В самом начале строительства Иверского монастыря Никон упросил царя направить на Валдай часть монахов-мастеров с освобожденных белорусских земель. Его выбор пал на монахов Кутейнского монастыря, среди которых оказались исключительно одаренные мастера декоративно-прикладного искусства. Среди них были литейщики, резчики, специалисты ценинного (изразцового) производства. Все они переселились на Валдай. Белорусские мастера обучили своему искусству монастырских «работных людей», возможно и монахов, наладили в монастыре производство различных декоративных изделий.

Резьба на входных дверях собора, выполненная белорусскими мастерами, своеобразна и мало похожа на

*Деревянные резные
двери Успенского собора
Успенский собор
Валдайского Иверского
монастыря. 1655—1656 гг.
Строил Аверкий Мокеев*
→

изделия русских резчиков. Новшеством в резьбе были прозе-
резы посередине каждой створки, сквозь которые можно
заглянуть внутрь собора. Токарные колонки в окош-
ках-прорезях мало походили на привычные русские ба-
лясины. Несколько необычен и орнаментальный мотив
резьбы. Ее свободные завитки чередуются с изображени-
ем тюльпанов.

Мастера из Белоруссии принесли с собой и новый спо-
соб изготовления многоцветных изразцов. В основном
они выделывали печной кафель, который широко приме-
нялся в то время в комнатных печах. Художники укра-
шали его слегка выступавшим барельефным раститель-
ным узором. Блестящая полива с бликами и игрой
света по поверхности придавала им дорогой и празд-
ничный вид. Недаром изразцы посылались из мо-
настыря в подарок высокопоставленным лицам. Изразцы
украшали когда-то и фасады зданий. Особенно роскош-
но выглядели наличники окон настоятельных покоев.

До нас, к сожалению, дошел лишь единственный образец изразцов XVII века. Он находится на восточной стороне настоятельного корпуса. Сейчас из-за перестроек это здание можно принять за позднее сооружение, но оно было построено еще при Никоне.

Слева от Успенского собора находится трапезная. Когда-то это было одно из самых интересных произведений русского гражданского зодчества XVII века. По силе и лаконичности архитектуры ему вряд ли можно было найти равное. Позднее, в XVIII веке, трапезная была значительно переделана. Основные ее помещения подверглись перестройке. В церкви трапезной, видимо в целях размещения еще одного алтаря, над нижней апсидой воздвигли другую апсиду, изменили форму окон — из одинарных они превратились в парные, а некоторые просто были заложены. И только уцелевшее на южном фасаде древнее крыльцо с висячими гирьками выдает в нем раннее сооружение. Однако, несмотря на то, что трапезная утратила свой первоначальный облик, все же следует уделить ей немного внимания, так как подобных сооружений до наших дней дошло не много.

Строитель трапезной Аверкий Мокеев использовал привычную композицию. Основное помещение трапезной первоначально представляло собой большой вытянутый зал (116,6 × 25,2 м) с грандиозным столбом посередине. Тем не менее и в этой постройке он сумел сказать свое слово. Утолщение северной стены из-за неровной поверхности острова, своеобразные «тамбуры» у входных дверей, изменение формы центрального столба — все свидетельствует о высоких технических знаниях древнерусского зодчего.

К зданию трапезной с востока примыкает церковь, с запада — подсобные помещения и парадные сени. Декоративное убранство церкви очень просто. Нижние окна обрамлены наличниками из тонких колонок и мелких незатейливых кокошников. Верхние окна украшены мелкопрофилированными «рамами». Но как бы ни был неприхотлив этот убор, он выгодно оттеняет суровую мощь и монументальную выразительность фасада трапезной.

Справа от Успенского собора находится колокольня, в строительстве которой, думается, принимал участие и Аверкий Мокеев. Интересно, что Никон, запретивший постройку храмов с шатровыми завершениями, сам предложил, чтобы колокольня была высокая и с шатром — «колокольницу... покрыть шатром, чтоб было пригоже...».

*Трапезная Валдайского
Иверского монастыря.
1655—1658 гг.
Строил Аверкий Мокеев*

В настоящее время трудно предположить, какое это было сооружение. В XIX веке верх колокольни был перестроен, добавлен еще один ярус звона, крытый куполом со шпилем, что совершенно лишило это сооружение его былой оригинальности.

Гордый и властолюбивый Никон, мечтавший об активном участии в управлении государством, желая превзойти своих предшественников, задумал воздвигнуть Иверский монастырь как памятник своему величию, прославлявший в веках его имя. Недаром все строительство велось под неусыпным оком требовательного патриарха. Для создания яркого и торжественного образа сооружений были умело использованы все виды искусства. Но, несмотря на жесткие требования заказчика, строители монастыря внесли в свои произведения неувядаемую свежесть и вдохновенность народного творчества. Говоря о строителях, нельзя не отдать должное создателю основных сооружений монастыря — Аверкию Мокееву,

который прекрасно чувствовал природу монументальных форм. Скупыми средствами он достиг величественной, гармоничной и возвышенной красоты. В его произведениях нет места ни обилию деталей, ни внешним эффектам. Созданные им архитектурные образы захватывают и покоряют своей содер­жательностью и художественным совершенством.

После суровых и величественных сооружений Иверского монастыря совсем иначе воспринимаешь город Валдай. Он кажется небольшим и особенно уютным. История города небогата событиями. Он не знаменит ни битвами, ни историческими происшествиями. Валдай возник на месте таможенной границы между Новгородом и Москвой. Первое упоминание о Валдае имеется в «Писцовой книге Деревской пятины Новгородской земли» за 1481 год; уже тогда он был известен как торгово-административный центр. Во время похода Ивана Грозного в Новгород Валдай, как и другие городки и селения, стоящие на пути Грозного, был сожжен.

Валдай более всего знаменит красотой своей природы, массивами хвойных лесов — близ него сохранилась редчайшая реликтовая роща с могучими трехсотлетними елями, — живописными спусками и подъемами, обилием глубоких прекрасных озер. Красота природы принесла Валдаю славу необыкновенного города, и, наверное, нет ни одного человека, который остался бы равнодушным к этим замечательным местам.

До 1654 года Валдай был дворцовым селом, считалось, что его основное население составляют литовцы и поляки, занимавшиеся торговлей. В период строительства Иверского монастыря село по желанию Никона было переименовано в Богородицкое и приписано к монастырю. За утрату былой свободы жители этих мест невзлюбили Никона. Вот почему день освобождения крестьян от монастырской зависимости, приуроченный к празднику Успения — 28 августа (15 августа), праздновался на Валдае особенно бурно и торжественно. Как ни странно, но в памяти местных жителей он почему-то связывается со днем приезда на Валдай Петра I. И по сей день в народе сохраняются рассказы об этом посещении. Говорят, что Петр I приехал в Иверский монастырь августовским жарким днем, присутствовал в соборе на службе и якобы убеждал игумена богатого Иверского монастыря поделиться колоколами и драгоценными одеждами с Александро-Невской лаврой. Затем он катался на лодке по озеру и стрелял дичь. При расформировании стрелецких

полков Петр I направил некоторые из них вместе с семьями на жительство в Валдай. От них осталась улица Стрелецкая, а во многих домах долго сохранялось стрелецкое оружие — копья и железные пицали.

Восемнадцатый век внес в жизнь Валдая особенно много изменений. В 1770 году Екатерина II превратила село в город, и 28 мая 1770 года считается днем рождения Валдая, хотя именоваться городом он стал только в 1772 году. Посадские были разделены на мещан и купцов, учрежден магистрат с городским головой. Заметно изменился и облик горсда: здесь построили пять каменных домов для присутственных мест, вокруг площади, названной в честь Екатерины II, соорудили несколько церковных зданий. В 1773 году Валдай сильно пострадал от пожара, сгорело множество старинных деревянных домов и часть новых построек.

Однако положение Валдая на почтовом тракте Петербург—Москва способствовало его возрождению и дальнейшему процветанию. С раннего утра до позднего вечера, пока не наступала темнота, столь опасная на крутых извилистых дорогах Валдая, тянулись через город обозы, мчались почтовые повозки и дилижансы. Через Валдай в свое время проезжал Н. А. Радищев. В 1826 году по этому тракту проследовали декабристы, отправляясь в пожизненную ссылку. В Валдае бывали А. С. Пушкин, Н. А. Некрасов, художник В. А. Серов.

С середины XIX века после открытия железной дороги, связавшей Петербург и Москву, Валдай становится тихим провинциальным русским городком.

Побывав на Валдае, нельзя не осмотреть единственный в своем роде архитектурный памятник эпохи русского классицизма, расположенный в западной, возвышенной части города. Жителям Валдая хорошо известна эта небольшая, очаровательная по своим формам церковь. Она находится в летнем городском саду на удачно найденном месте — на склоне холма среди вековых деревьев, пышно разросшихся вокруг храма. Церковь была задумана как дворцовая, входившая в большой архитектурный комплекс Путевого дворца Екатерины II, ныне значительно перестроенного. Тогда же был посажен парк, спускавшийся от дворца до самого озера. Здесь же стояло несколько дворцовых корпусов, обращенных в сторону озера. Екатерининская церковь замыкала собой весь ансамбль. Благодаря окружающей ее колоннаде она одинаково живописно выглядела как со стороны дворца, так и озера.

Несмотря на существующее среди старожилов Валдая мнение, что это уникальное произведение искусства принадлежит знаменитому русскому зодчему М. Ф. Казакову, в настоящее время доподлинно известно, что проект церкви составил Н. А. Львов. Она была построена в 1793 году, но с некоторыми изменениями и отступлениями от первоначального проекта, что, однако, не нарушило авторского замысла. (Проект церкви, видимо, был заказан в 1772 году Львову самой императрицей в связи с градостроительством Валдая.) Изменения, внесенные в проект, касались главным образом деталей, которые выполнены были с большим вкусом. Подобное воплощение авторского проекта говорит о руке опытного мастера, имя которого остается неизвестным. Предполагают, что при сооружении этого здания из-за отсутствия средств использовался труд крепостных крестьян и городских ремесленников Валдая, среди которых нашлись искусные мастера.

В основу Екатерининской церкви была положена любимая форма Львова — ротонда. Высокие, стройные колонны, кольцом окружающие здание, образуют изящную открытую галерею. Храм подобного типа довольно обычен по своему плану. Центральная его часть представляет собой цилиндрический объем с куполом, поставленный на высокий цоколь с подвалом внутри. Тем не менее Екатерининская церковь — одна из немногих, где зодчему удалось добиться полного соответствия между наружным оформлением здания и его внутренним решением. Екатерининская церковь восхищает нас и сегодня необыкновенной гармоничностью и чистотой своих форм, изяществом линий и красотой силуэта.

Мы покидаем Валдай и направляемся по магистральному шоссе. С вершины одного из крутых холмов, на которые взбирается дорога, открывается вид на широко раскинувшиеся хвойные леса. Белый туман стелется над озерами, постепенно окутывая все вокруг своим непроницаемым покрывалом. Где-то в стороне осталось невидимым для нас одно из самых популярных туристических мест страны — озеро Селигер.

Валдайский край благоухающей природы остается позади. А наш путь лежит на юго-восток, в древний город Торжок. Невольно всматриваешься туда, где прямая как стрела дорога сливается с горизонтом. Но до Торжка еще далеко. Перед нами — неоглядные поля. Холмы постепенно сглаживаются, густые еловые леса сменяются приветливыми светлыми рощами.

Вскоре дорога пересекает реку Березайку с голубеющим зданием пристани, и мы оказываемся уже не в Новгородской, а в Калининской области. Все чаще встречаются озера с торфяными разработками, окруженные низкорослыми карликовыми сосенками. Наконец вдали показывается панорама большого города с дымящимися трубами заводов, гидротехническими сооружениями, отводными речками и частыми каналами. Это город Вышний Волочок.

Шоссе проходит вдоль берега Вышневолоцкого водохранилища. На берегу Цнинского канала у автобусной станции делаем небольшую остановку.

История Вышнего Волочка уходит в глубокую старину. Возник город на месте соединения двух водных бассейнов — Балтийского и Волжско-Каспийского. Когда-то очень давно между Мстой и Твердой, от устья одной реки до другой, волоком перетаскивали суда. Отсюда и произошло название города. Путь через Мсту и Тверцу в Волгу был одним из важных путей сообщения западноевропейских стран с юго-восточной Азией.

Места эти, щедро одаренные природой, привлекали к себе людей давно. К XIV веку здесь уже существовали не только сельские поселения, но и ремесленно-торговый посад. Первый, кому, по словам Радищева, «на мысль пришло уподобиться природе в ее благодеяниях и сделать реку рукodelьную, дабы все концы единые области в вещнее привели сообщение», был Петр I. В 1703 году он приказал начать в Вышнем Волочке постройку канала. Тысячи крепостных рыли землю, свозили лес, возводили шлюзы. Это был первый искусственный водный путь в России, законченный к 1722 году. По указу Петра I он был передан в содержание талантливому новгородцу Сердюкову и его наследникам. Сердюков расчистил канал, построил новые сооружения и создал большое водохранилище. В течение ста пятидесяти лет по Вышневолоцкой системе грузы почти со всей России направлялись в новую столицу. И даже в гербе Вышнего Волочка, данном городу в 1777 году, были изображены серебряный щит, корона, река и лодка — как символы исторического водного пути России. Однако Вышневолоцкая водная система имела ряд недостатков, которые создавали трудности для переходов судов. Вот почему Вышневолоцкий канал был заменен более совершенными водными системами — Тихвинской и Мариинской. В наше время канал используется как путь, по которому сплавляется лес.

Город, стоящий на пути между двумя столицами, было трудно миновать. Почти все иностранцы, посетившие Россию, упоминают о Вышнем Волочке. Писали о нем и многие русские писатели. До революции Вышний Волочок снискал себе печальную славу места заключения. Здесь была построена тюрьма для политических заключенных, отличавшаяся чрезвычайно строгим режимом. В ней находились во время следования в Сибирь В. Г. Короленко и Виктор Обнорский — крупный деятель рабочего движения в России XIX века. В годы Советской власти Вышний Волочок вырос в крупный город с большими заводами — хлопчатобумажным комбинатом, механическим заводом, деревообрабатывающим и многими другими, которые продолжают вступать в строй.

Архитектурных памятников в городе, к сожалению, мало. Заслуживают внимания торговые ряды прошлого столетия, свидетели экономического расцвета Вышнего Волочка, наступившего в середине XVIII века, и собор XIX столетия, построенный в псевдорусском стиле. К достопримечательностям города следует отнести также каменный двухэтажный дом, построенный в 1703—1719 годах. Он находится на правой стороне реки Цны у гранитного шлюза. В нем жил Петр I, проезжая из Москвы в Петербург.

Суровую природу окрестностей Вышнего Волочка запечатлел в одной из своих картин И. Левитан. Он проводил лето близ озера Удомли, где написал свою знаменитую картину «Над вечным покоем».

Мы покидаем город, стоящий посреди речек и каналов, город, овеваемый ветрами, и снова отправляемся в путь.

*Вид крепости Торжка.
С гравюры XVII в.*

родцев с племенами веси и мери. О Торжке Новгородская летопись упоминает впервые в 1139 году как об одной из своих колоний и называет его Торговым городком или Новым Торгом. Позднее он стал называться Торжком, а жители его до наших дней именуются новоторжцами.

Со временем Торжок, крупный пограничный форпост на южных границах владений Великого Новгорода, сделался важным торговым пунктом, снабжая Новгород продуктами, и в первую очередь хлебом, поступавшим с Волги и из южнорусских областей. В этом следует искать причину того, что враги Новгородской республики придавали пограничному Торжку особое значение. Достаточно было кому-нибудь из русских князей захватить и удержать на некоторое время Торжок, чтобы заставить новгородцев пойти на серьезные уступки.

Последнее нашествие новоторжцы пережили в XVII столетии, в период польско-шляхетской интервенции, столь губительно отразившейся на жизни многих русских

городов. Но город продолжал жить наперекор всем страданиям и тягостным испытаниям.

Значительное строительство в Торжке развернулось после Октябрьской социалистической революции: возводились новые кварталы домов, перестраивались старые районы города, прокладывались улицы. Однако Великая Отечественная война приостановила созидательную жизнь города. Торжок хотя и не был оккупирован фашистскими захватчиками, но подвергся жестокой, варварской бомбардировке с воздуха. Фашисты спалили большую часть города. После окончания войны многое пришлось восстанавливать и строить заново.

В наши дни Торжок — крупный промышленный и культурный город.

Вступая на древнюю землю Торжка, чувствуешь биение пульса современной жизни, ее стремительный темп. Однако трудно забыть и о том, что стоишь на пороге тысячелетнего города... Город пленяет сразу же, с первых шагов, очаровывает каким-то неповторимым уютом своих улиц, переулков, старых зданий, колоколен.

Панорама левобережного Торжка, самой его древней части, открывается неожиданно. Крутая каменная улица спускается вниз к реке. Невысокие дома расступаются, и перед взором возникают причудливые на первый взгляд сооружения, соборы и здания. Они располагаются один за другим на высоком берегу Тверцы.

Пройдя через реку по висячему мосту, который еще в прошлом веке являлся гордостью новоторжцев, оказываешься на другой стороне города. Здесь на холме в окружении густого зеленого сквера возвышается огромное массивное здание с колоннами — это городской Дом культуры. Здание построено в наше время, когда классицизм считался непререкаемым образцом для подражания. Благодаря своим значительным размерам оно доминирует над всеми другими сооружениями этой части города.

В светлых и просторных помещениях Дома культуры разместился небольшой краеведческий музей. И хотя экспонаты музея немногочисленны, но подобраны они с большой любовью и знанием дела. Материалы, собранные в музее, рассказывают об истории города, революционным прошлым Торжка. Бережно чтут здесь память коммунистов Ф. В. Бадюлина и П. И. Ананьина, отдавших свою жизнь во имя будущего. Они похоронены здесь же в Торжке на одной из городских площадей, носящей имя Революции.

Интересен и древний отдел музея. К сожалению, в Торжке никогда не проводились систематические археологические раскопки. Между тем планомерные изыскания помогли бы многое уяснить в истории возникновения города, в развитии его культуры. Однако и то, что представлено в витринах, позволяет восстановить картину прошлого Торжка.

Среди экспонатов древнего отдела наибольший интерес представляют бронзовая печать новоторжского наместника Давида, правившего городом в XII веке, коллекции старых монет и каким-то чудом уцелевшая рогатина охотника, ходившего на дикого зверя. Какой простор для всякого рода предположений и догадок вызывают подобные находки!

Тот, кто интересуется историей развития золотошвейного или сафьянного дела, может познакомиться здесь с изумительным искусством новоторжских, зародившимся еще в XIII веке.

*Вид на Борисоглебский
монастырь в Торжке*

Местное предание сохранило до наших дней память о том, что у подножия городского вала очень давно был раскопан небольшой бочонок. В нем находились кожаные доскутки с вышитым на каждом из них изображением звездочки или крючка. Так мы впервые встречаемся с упоминанием о ранних рукоделиях новоторжек. Золотошвейное искусство впоследствии принесло городу широкую известность и славу.

Искусство золотной вышивки было распространено еще в Древней Руси. Ею украшали парадные царские одежды, церковные облачения, пелены и плащаницы. Известны очень многие произведения золотошвейного дела, выполненные в Торжке по многочисленным заказам монастырей и церквей (впоследствии многие из них поступили в Тверской музей). Все они отличаются разнообразием узоров и исключительным мастерством исполнения. Наряду с растительными орнаментами в золотошвейных изделиях встречаются изображения птиц,

*Фрагмент головного
убора. XVIII в.*

павлинов, львов, грифонов и ветвистых деревьев с цветами.

Наряду с золотошвейным искусством широкое распространение в Торжке получило в XVIII—XIX веках производство сафьяна. Шитье золотом, серебром и шелком было перенесено на сафьян, замшу, а также на бархат. Особенно красива была расшитая обувь. Недаром о ней пелось в русской песне:

«...Привези мне из Торжка
Два сафьянных сапожка».

Большими художественными достоинствами обладали женские платки, шитые золотом по шелку или бархату, скатерти, подушки. В них применялись разнообразные виды шитья. Каждая деталь рисунка вышивалась по-своему, благодаря чему узоры с листьями и цветами кажутся то рельефными и выпуклыми, вспыхивающими ярким светом, то будто коваными, слабо мерцающими. Свойство золотых нитей использовалось невероятно

*Фрагмент полосы
(золотная нить, блески,
канитель). XVIII в. Музей
народного искусства
в Москве*

искусно, мастерицы заставляли их то сверкать, то переливаться дрожащим блеском стежков. Золотной узор часто украшал женский костюм, состоявший из шубки, сарафана и душегреи, у которой одна пола была обязательно вышита. Заказы на вышивку поступали отовсюду. В Торжок со всей округи приезжали помещицы, готовящие приданое своим дочерям. Легкие кисейные платья с золотой ниткой, кружевные накидки, оборки, платки, скатерти, сапожки, расшитые золотом и серебром, пользовались огромным спросом.

Однако высокая стоимость шитья, так же как и изменившаяся со временем мода, привели к тому, что с середины XIX века золотошвейные изделия перестают находить себе покупателей. Их вытесняют более дешевые и доступные промышленные товары. Золотошвейное дело стремительно пошло на убыль.

Но древнее искусство не погибло. В конце XIX века золотошвейи и кружевницы Торжка были объединены в

*Золотное шитье. Торжок.
1950-е гг.*

мастерские при земской управе. Их изделия — салфетки, шитые золотом по малиновому бархату, платки, подушки — стали экспонироваться на столичных выставках, а затем и на международных — в Лондоне, Париже, Турине. Прекрасные вещи новоторжских золотошвей неизменно отмечались медалями и вызывали всеобщее восхищение. Это искусство не было забыто и в советские годы. Отныне на золотошвейной фабрике имени 8 Марта в Торжке изготавливаются наряду с крупными выставочными вещами — занавесями, скатертями — небольшие сумочки, салфетки, бювары на бархате или цветном сукне, по которому хорошо ложится золотная нить. Сейчас здесь вышивают также воинские знаки отличия, отдельные вещи детской и женской одежды. Высокому качеству золотошвейных изделий немало способствует профессиональная школа, организованная в 1928 году в Торжке. Она подготавливает высококвалифицированных мастериц, поистине волшебниц своего дела.

Осмотрев этот несколько необычный музей, покидаешь его с чувством искренней признательности к тем, кто бережно собирал экспонаты, кто сохранял их в тяжелые годы войны. Особое место в создании этого немногословного, но достаточно красноречивого уголка прошлого и настоящего Торжка принадлежит А. А. Суслову. Нет, наверное, ни одного жителя в городе да и за его пределами, кто не знал бы этого удивительного, неутомимого человека. Многие из того, что мы видели в музее да и в самом Торжке, сохранено благодаря его неиссякаемой энергии и инициативе. О Суслове очень проникновенно сказал писатель О. В. Волков («Древний Торжок». — «Звезда», 1965, № 9). Он писал, что труд таких скромных и одухотворенных людей заслуживает большой благодарности. Потому что эти люди стараются сберечь для потомков все, что говорит нам о прошлом Родины и воспитывает в молодом поколении любовь к памятникам культуры и родной старине.

Осмотр достопримечательностей Торжка лучше всего начать с территории старого города, расположенного на берегу Тверцы, сразу за площадью. От детинца, окруженного некогда крепостными сооружениями, где скрывались многострадальные жители Торжка, ничего теперь не осталось. Сохранилась только юго-западная часть вала да ручей Здоровец. Он хотя и обмелел, но, как и в былые времена, гремя по камням, торопится к Тверце. Еще в прошлом столетии путешественники отмечали значительную высоту вала, взбираться на который находилось не много охотников. Он и сейчас достаточно высок. С него открывается широкая панорама на весь город. Отсюда особенно заметна гористость Торжка, капризный узор узеньких переулков, сходящихся к площади 9 Января — самому людному и шумному месту Торжка.

Территория первоначального города была невелика, ее окружали ручей Здоровец и Тверца, а юго-западную часть прикрывали валы. Время далеко отодвинуло теперешнюю городскую черту. Но рядом с новым продолжает существовать и старое, в этом, пожалуй, заключается одна из привлекательных черт Торжка.

На валу, покрытом зеленым ковром травы, кажется еще сохранились следы промчавшихся столетий. Об этом говорят и археологические находки. Совсем недавно в время строительных работ на набережной Тверцы у подножия городского вала экскаватор поднял черепки глиняной посуды XIII века! Тогда же перед удивленным

взорами строителей предстали деревянная бирка с нанесенными на нее именами должников и останки древних новоторжцев. Кто были эти люди? Как они попали сюда на берег реки? Были ли они очередными жертвами войны или убиты грабителями? А может, понесли наказание? Много еще неизвестного таится в скрытой от нас земляной летописи Торжка.

К этому же времени относится еще одна интересная находка. На глубине нескольких метров обнаружили деревянный сруб — остатки городской стены. Рядом оказались срезы бревенчатого моста. Таким образом, подтвердилось предположение о существовании крепостной деревянной стены, проходившей вдоль берега Тверцы.

Для более полного представления о старом городе, пожалуй, следует обратиться к двум известным документальным источникам: плану Торжка XVII века и писцовым книгам Потапа Нарбекова того же времени. Других письменных сведений, достаточно подробных, чтобы восстановить картину древнего Торжка, не сохранилось. План города был составлен при весьма любопытных обстоятельствах. В 1673 году шведское правительство послало в Россию молодого талантливого инженера Пальмквиста для сбора военных сведений о русских городах-крепостях. В его рукописном отчете после четырехлетнего пребывания находился и план Торжка. Город, видимо, в то время не потерял своего стратегического значения. Будучи неплохим художником, Пальмквист умело изобразил крепость, окруженную стенами и широким рвом. Однако Пальмквиста, как иностранного подданного, не допустили в крепость. И он мог изобразить только то, что увидел сквозь ворота башни и с высоких холмов. За крепостью Пальмквист отметил Борисоглебский городской монастырь, а за ним — посадские (городские) строения и ямщицкую слободу. Через реку Тверцу был переброшен деревянный мост, его-то, видимо, и откопали недавно строители.

Описи Потапа Нарбекова, проводимые в Торжке по приказу царя Михаила Федоровича в первой половине XVII века, дополняют сведения Пальмквиста. Мы знаем теперь, что стены, окружавшие город со всех сторон, имели одиннадцать башен, из которых пять были проезжими воротами, а шесть — глухими. Башни представляли собой высокий деревянный сруб в два яруса, с лестницей внутри. На втором этаже имелось одно смотровое окошко. Башни были покрыты четырехскатной шатровой кры-

шей. Каждая башня носила свое название — Борисоглебская, Петровская, Михайловская, Тайнинская, Спаская, или Водяная, через которую горожане шли к реке.

О том, как выглядели дома в городе, что скрывали за собой крепостные стены, судить трудно, так как прямых указаний не дошло. Но можно предполагать, что большинство домов и церквей были деревянными, ведь город окружали издавна сосновые леса. Из сосновых бревен рубили избы, городские стены, боярские терема и хоромы наместников.

Иностранные путешественники отмечали в своих записках еще одну характерную особенность русских городов — обилие церквей. Немало их было и в Торжке. Во всяком случае, даже в начале нашего столетия их насчитывалось около тридцати шести. Правда, из деревянных церквей до наших дней дошла лишь одна церковь Вознесения. Остальные погибли от пожаров, этого страшного бича всех древнерусских городов.

Строились в Торжке и каменные сооружения. Так, на плане Пальмквиста обращает на себя внимание рисунок каменного двухэтажного дома с двухскатной крышей, с большими квадратными окнами и входом в виде крыльца с бочкообразным покрытием. Рядом — двухъярусная колокольня с оригинальным шатром. Что это? Где находилось это здание и для чего оно предназначалось? Это безымянное каменное сооружение очень красиво, но нам ясно одно: Пальмквиста привлекали не столько своеобразные архитектурные формы постройки, сколько ее необычность. По всей видимости, здание стало для него своего рода опознавательным знаком.

Нельзя не упомянуть еще об одном раннем памятнике в Торжке — Спасо-Преображенском соборе, который также не сохранился. Время его постройки неизвестно. Но это был один из первых городских соборов, который стал свидетелем двухнедельной осады Торжка татарами в 1238 году. В нем искали спасения новоторжцы от коварного и немилосердного врага. Татары, захватив Торжок, перебили защитников города, многих увели в плен, жестоко расправились с духовенством и монахами, чего раньше они обычно не делали. Собор был разрушен до основания. Изнемогая от войн и набегов, новоторжцы не возобновляли в дальнейшем строительство собора.

В XIV веке в борьбу с Новгородом и Тверью за Торжок включается Великое княжество Московское. Однако его наместники, посланные в Торжок, были схвачены враждующими с Москвой новгородскими боярами. Но в том

же 1340 году в Торжке вспыхивает восстание «меньших людей», не вынесших гнета бояр. Новоторжцы выгнали из города новгородских бояр, разграбили их дома и освободили московских наместников. В московском князе население видело силу более могущественную, способную защитить их и от татар и от своеволия бояр. Вскоре в Торжок для установления мира прибыл великий князь Московский Симеон, восторженно встреченный всеми жителями города. В ознаменование этого события несколько позже, уже в княжение Дмитрия Донского, новоторжцы воздвигли новый каменный собор, видимо, на собственные средства. Строительство большого собора в «хлебном» Торжке было воспринято в Новгороде и Твери как признак усиления Москвы. Вот почему тверской князь Михаил Александрович двинулся на Торжок и штурмом взял его. Подобного разгрома город еще не знал за все время своего существования. Торжок был подожжен со всех сторон. Долго бушевало пламя над горящими постройками. Жители бежали в собор Спаса, спасаясь от княжеского войска. Жестокость тверского князя не знала границ, в своей мести городу он не пощадил ничего вокруг. Церкви и дома были сожжены, и только каменный Спасский собор остался стоять, обгоревший, черный от копоти, но несокрушимый. Несколько дней после падения Торжка еще полыхал огонь, рушились стены домов. Город опустел — оставшиеся в живых были угнаны в плен, остальные перебиты и утоплены в Тверце. Торжок походил на мертвую, выжженную пустыню. Понадобилось немало времени, чтобы город возродился из пепла.

Но все это случилось много веков назад, а белокаменный собор, свидетель средневековой истории Торжка, простоял до XIX века. К этому времени он выглядел настолько ветхим, что его было решено разобрать и построить новый. Здесь на берегу Тверцы и стоит сейчас новый Спасо-Преображенский собор — одна из самых больших и грандиозных городских построек Торжка начала XIX века (1822).

Собор увенчан пятью куполами и окружен классическими портиками дорического ордера. До сих пор остается неизвестным имя зодчего. Только в смете новоторжского городского общества упоминается архитекторский ученик Иван Мокшев, который, вероятно, наблюдал за строительными работами. Сам же проект принадлежал неизвестному, но безусловно зрелому и талантливому зодчему, о чем говорят законченные пропорции собора и

*Спасо-Преображенский
собор в Торжке. 1822*

высокая строительная техника сооружения. Внутри собор был богато украшен иконами, золотным шитьем и драгоценностями.

Рядом со Спасо-Преображенским собором в 1842 году был возведен еще один большой храм с колокольной. Сейчас это здание перестроено. Но первоначально оба собора представляли собой величественную архитектурную группу, поражая воображение тех, кто проезжал по петербургскому тракту.

Неподалеку от старого города, отделенного всего лишь глубоким оврагом, стоит на холме один из старейших монастырей в нашей стране — Борисоглебский. Монастырь был основан в 1038 году, в княжение Ярослава Владимировича, бывшим конюшим киевского князя Владимира боярином Ефремом. Он выбрал это «вельми прекрасное место» на берегу Тверцы и основал монастырь в честь княжеских сыновей. Борис и Глеб были предательски убиты князем Святополком, их названным братом

мечтавшим завладеть княжеским престолом. Трагическая гибель молодых князей настолько потрясла Ефрема, что он удаляется навсегда от светской жизни. В честь Бориса и Глеба Ефрем воздвиг каменный храм и основал на этом месте монастырь, который с той поры и называется Борисоглебским. Первый монастырский собор был каменный, небольшой. Простоял он около семисот лет. В 1577 году, в царствование Грозного, к нему пристроили два придела. Однако собор был уже настолько стар, что грозил обрушиться. Много невзгод пережил он на своем веку. Особенно пострадал собор вместе с другими монастырскими постройками в 1607 году при взятии Торжка поляками. Жители города, по обычаю, искали спасения в церквях. И на этот раз они закрылись в одной из деревянных церквей, где и были заживо сожжены вместе с архимандритом. Монастырь так же, как и весь город, опустел и не смог долго оправиться после этого страшного разрушения. По описи 1625 года в Торжке оказалось, что все монастырские церкви разрушены, дворы опустели, а жители «посечены от литовских людей», и вдовы их «бродили меж двор». В результате польского нашествия население резко уменьшилось и «до крайности» обеднело.

Помимо всего город терпел частые стихийные бедствия — то голод и болезни уносили человеческие жизни, то вспыхивали пожары. Один из таких свирепых пожаров 1742 года уничтожил древние стены Торжка, столь благополучно простоявшие до середины XVIII столетия. Возрождение Борисоглебского монастыря, как и всего города, началось со второй половины XVIII века, со времени изменения экономических условий всей страны. Деревянные дома и церкви постепенно заменяются новыми, каменными. Полуразрушенный Борисоглебский собор, стоящий на виду у всего города, уступает свое место другому сооружению — большому и величественному. Собор был построен по проекту Н. А. Львова. Закладка собора происходила в 1785 году в необычайно торжественной обстановке в присутствии Екатерины II и всего двора. Однако строительство затянулось на одиннадцать лет и было закончено только в 1796 году.

Существующий ныне ансамбль включает в себя угловую башню, колокольню, большой собор и ряд других более ранних по времени построек. Борисоглебский собор возвышается в некотором отдалении. Что-то величественное и в то же время заброшенное чувствуется в его облике. Собор кажется особенно большим, классически ясным и строгим в окружении портиков дорических ко-

лонн. Широкий, слегка приплюснутый восьмигранный купол с четырьмя малыми куполами по углам сообщает ему некоторую грузность, однако изящные декоративные детали, просторный светлый интерьер делают его нарядным и торжественным.

Сдержанно, но со вкусом было решено внутреннее убранство храма. Здесь не было ни обилия золота, ни вычурных форм иконостаса, ни ярких красок настенных росписей, столь характерных для середины XVIII столетия. Для соборного иконостаса были специально написаны иконы другом Львова, известным русским живописцем В. А. Боровиковским. Иконы хорошо гармонировали с изысканным цветом светло-палевых стен, фон которых оттенялся желто-розовыми колоннами. Пол покрывали чугунные плиты, перелитые из ядер и пушек, которыми изобиловали городские валы Торжка в конце XVIII века.

Однако подобный вид интерьер храма имел недолго. В 40-х годах XIX века храм нашли недостаточно великолепным. В результате чего старый иконостас заменили новым, прежний чугунный пол — деревянным, стены и колонны оштукатурили под мрамор, а позже и вовсе закрашили темной краской.

Со временем потемнели наружные детали из белого камня. Собор утратил все свое былое величие и непередаваемую изысканность декора. Однако, глядя на это удивительное сооружение, которое справедливо считается выдающимся памятником русского классицизма, трудно забыть о его совершенных пропорциях, о единстве общего замысла, о том, что было воплощено оно по проекту талантливого зодчего.

Вторым новым сооружением в Борисоглебском монастыре является колокольня с надвратной церковью, которая приписывается Львову. Прямых доказательств, подтверждающих авторство этого замечательного зодчего не имеется. Но исследователи его творчества предполагают, что колокольня построена по его проекту. Подобные ярусные сооружения встречаются в творчестве Львова, свидетельствуя о его многогранном даровании. Монастырская колокольня, как и собор, должна была возвышаться над всеми сооружениями монастыря, подчеркивая и завершая своим силуэтом весь архитектурный ансамбль.

Колокольню заложили в 1804 году, спустя год после смерти Львова (1803), на месте старой надвратной церкви. Архимандрит монастыря 22 октября 1803 года просил разрешения сломать ветхую церковь и ворота, пообеща-

*Борисоглебский собор
в Торжке. 1785—1796 гг.
Архитектор Н. А. Львов*

прислать в Тверь уже готовый план будущей колокольни. Именно это обстоятельство — наличие уже готового проекта — говорит также в пользу авторства Львова.

Осуществление дальнейшей реконструкции всего монастыря было прервано внезапной кончиной Львова. Возведение же колокольни поручили местному архитектору Ананьину.

Многоярусная колокольня стоит в левой части двора в каменной ограде монастыря. Она возвышается над всем городом, привлекая к себе внимание легкостью и красотой своего силуэта. Здание это относится к типу классических церквей-колоколен, весьма распространенных в первой половине XIX века в России. Второй ярус колокольни, окруженный полукруглыми апсидами, предназначался для церкви, под которой находился арочный проем — главный вход в монастырь. В третьем ярусе в форме восьмерика с четырьмя угловыми круглыми башнями расположены арки звона. Когда-то здесь висел 500-пудо-

*Колокольня
Борисоглебского
монастыря в Торжке.
1804*

вый колокол. Особенно красив верхний ярус. Он сооружен в виде круглой сквозной беседки. Эта декоративная часть колокольни завершилась в свое время острым шпилем. Колокольня Борисоглебского монастыря — яркий, запоминающийся архитектурный памятник эпохи классицизма.

На противоположном углу монастырской стены, как бы уравновешивая своим грузным корпусом колокольню, возвышается башня. В 40-х годах XVIII столетия монастырь был обнесен каменными стенами, а в XIX веке соорудили башню, в которой разместили монастырскую библиотеку. Строителем, вероятно, владело желание создать нечто оригинальное и ни на что не похожее. В результате появилось довольно необычное по своим формам сооружение. Правда, сейчас верхняя часть башни разрушена. Но раньше со стенами, прорезанными килевидными арками, с многочисленными белокаменными деталями она выглядела достаточно эффектно и живописно.

Здесь же, на территории монастыря, наполовину скрытая служебными помещениями, расположена самая древняя постройка — Введенская церковь. Небольшая, однокупольная, очень скромная по своим формам, она вносит в архитектурный ансамбль ощущение особого уюта своим скупым, но грациозным силуэтом. Введенская церковь построена в XVII веке, на месте сожженной поляками древней деревянной церкви. В XIX веке ее перестроили, прибавили крыльцо. Единственным украшением здания являются наличники узких окон и колончатый фриз с пояском на барабане, столь обычные в архитектуре первой половины XVII века.

Ближе к центру двора стоит еще одно своеобразное сооружение — пятиярусная кирпичная колокольня с белокаменными деталями, крытая восьмигранным шатром. Ее отличают великолепные детали, заставляющие предполагать, что она одного времени с Введенской церковью. Уцелели и настоятельские корпуса 1714 года, между ко-

*Колокольня Борисоглебского
монастыря в Торжке.
XVII в. (?)*

*Церковь Вознесения
в Торжке XVIII в. и вид
на город*

торыми находилась еще одна каменная теплая церковь 1717 года — Входа-Иерусалимская.

Мы покидаем монастырь с прохладой и сумраком его зданий, с особой, строгой тишиной, как бы хранящей память о прожитых столетиях, и направляемся по берегу Тверцы к другому памятнику.

Среди забытых могил старого городского кладбища на крутом берегу реки стоит уникальный памятник русского деревянного зодчества, настоящая жемчужина Торжка — церковь Вознесения. Деревянных церквей в нашей стране, особенно в среднерусской полосе, сохранилось очень немного. Поэтому здание церкви Вознесения в Торжке представляет большую художественную ценность, привлекая к себе внимание не только специалистов, но и простых любителей старины. Храм построен по весьма распространенному в деревянном зодчестве типу клетских церквей, в основании которых лежит обычный четверик-клеть. Три постепенно уменьшающихся восьмерика

превращают храм в высокую ярусную башню. Последний ярус заканчивается традиционной луковичной главкой. Сейчас церковь стоит на каменном фундаменте, заменившем древние венцы. С востока к ней примыкает алтарная граненая апсида, с запада — трапезная.

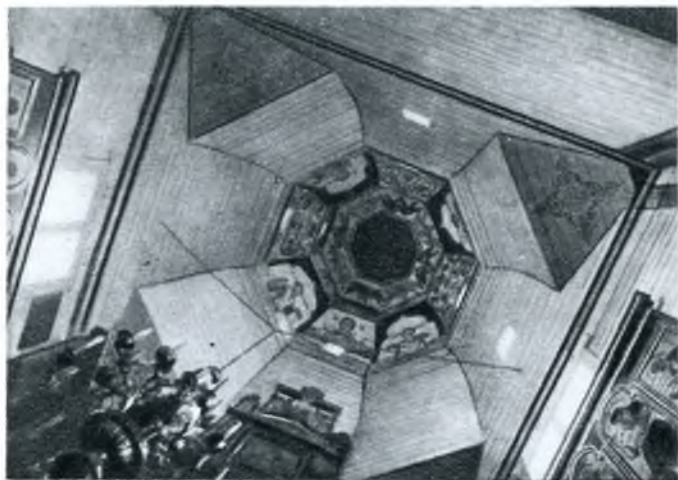
Происхождение Вознесенской церкви остается до сих пор загадочным. По клировой ведомости Вознесенская церковь возведена в 1653 году «тщанием прихода», однако многие исследователи относят ее к 1717 году, считая, что она построена на месте более древней церкви XVII века. Известно, что в 1883 году церковь была «обновлена» — ее обшили тесом и расширили окна (рамы окон когда-то были с оловянными переплетами).

Не менее интересна церковь внутри; правда, сейчас в ней склад и она недоступна для экскурсий. О своеобразии ее внутреннего облика дают представление фотографии начала XX века и описания. Церковь открывается входящему во всю высоту своих ярусов. Ее верх укра-

шала необычная, но по-своему интересная живопись, в которой преобладали красные, белые и черные цвета, с неумело нарисованными фигурами святых. Было удивительно, что в XIX веке, когда процвела академическая религиозная живопись, новоторжские иконописцы украсили церковь Вознесения росписью и иконами, стараясь воспроизвести в них только древние формы. Иконы в иконостасе XVIII—XIX веков имели к тому же наивные пояснительные надписи. Внутри находилось еще интересное резное деревянное распятие, а под куполом на металлической цепи свешивалось резное паникадило в виде голубя.

Находясь возле Вознесенской церкви, испытываешь какое-то непонятное чувство и грусти и восхищения. Она не сразу поражает сознание, хотя ее стройности и пропорциональности могли бы позавидовать многие архитектурные сооружения. Как-то незаметно проникает в душу человека ее сдержанная, спокойная и естественная

*Церковь Вознесения в Торжке
XVIII в. и вид на город*

*Церковь Вознесения
в Торжке. Внутренний
вид ярусов с росписью*

красота, удивительно гармонично слитая с окружающей природой — молчаливой рекой под обрывом, неторопливым шелогом ветра в ветвях старых берез и уходящими вдаль просторами земли.

По извилистой дороге, которая спускается с холма, снова попадаем на площадь 9 Января. Когда-то здесь была базарная площадь, на которой размещались торговые ряды и лотки. Купцы торговали здесь хлебом, льном, пенькой, по воскресеньям тут устраивались ярмарки с балаганами и цирковыми представлениями. Но деревянных рядов теперь уже нет. Взамен старых по указу 1764 года были построены новые торговые ряды. В годы Великой Отечественной войны гостинодворские здания сильно пострадали от вражеского артиллерийского обстрела. Сейчас они вновь отстроены. Здания торговых рядов, столь обязательные для XVIII—XIX веков, по-прежнему составляют органическую часть городской площади Торжка.

*Площадь в Торжке.
Жилой дом (ныне здание
горсовета). XVIII в.*

В правой стороне площади сохранился ряд домов XVIII столетия. Они создают определенный ритм повторностью своих классических элементов. Среди них более всего заметно двухэтажное здание (ныне горсовет) с небольшим мезонином и двумя флигелями по бокам. Этот дом построен во второй половине XVIII столетия в стиле барокко с четко прорисованными деталями на фасаде. Въездные ворота дома ведут на широкий двор. На балконе этого здания сохранилась кованая железная решетка изящного рисунка.

Когда-то давно на крутом спуске к реке Тверце стояла деревянная часовня, носящая имя Софии Премудрой, особо чтимой в Новгороде. Время ее создания нигде не запечатлено, известно только, что она была деревянная, крытая тесом и будто «высеченная из одного куска». В 1814 году древнюю часовню заменили новой — очень красивым классическим сооружением типа маленького храма-ротонды. Авторство ее приписывается Львову. Зда-

ние часовни, отличающееся необычайной стройностью силуэта и законченностью форм, замыкало собой ансамбль площади. Правда, сейчас часовню уже трудно выделить из числа других сооружений. Ее перестроили, прибавив к ней алтарь и колокольню. Первоначальная живопись, украшавшая стены храма внутри, была замазана, керамические глазурованные плитки утрачены. Так интересный памятник лишился своей классической ясности и грациозности.

Город на противоположной стороне реки спускается к Тверце извилистыми крутыми улицами. Побродить по этим улицам одно удовольствие, хотя порой дает себя знать крутизна подъема. Дома на этой стороне непохожи друг на друга, однако все они с высокими тесовыми крышами и утопают в зелени.

На самом верху, на ровной площадке, усаженной могучими липами, неожиданно встречаемся с еще одним классическим зданием. Оно двухэтажное, с низкими флигелями по бокам, белокаменным карнизом и колоннами на фасаде. Наполовину скрытое в сумраке ветвистых старинных деревьев, оно мало заметно с улицы. Это Путевой дворец, построенный в 80-х годах XVIII века специально для Екатерины II, посетившей некогда Торжок. Сейчас здесь размещается средняя школа.

Если от Путевого дворца спуститься на небольшой выступ на склоне обрывистого берега и оглянуться назад, то представится незабываемая картина города. Особенно хорошо видны церкви и колокольни. Их осталось в Торжке немного. Построены они уже в XIX веке, но легкие, воздушные силуэты свидетельствуют о незаурядных способностях их строителей. Среди уцелевших сооружений привлекает внимание церковь Климента с колокольней. Она отличается стройностью пропорций, простотой и изяществом декоративных форм.

Хочется обратить внимание еще на два интересных сооружения, расположенных на обрывистом берегу Тверцы. Это здания бывшего Воскресенского женского монастыря. В начале своего существования монастырь, «что в Торжку на горе», основанный в 1625 году, имел только деревянные постройки. (Об одной из них в писцовых книгах сказано, что церковь была деревянная и шатровая.) В монастыре жили насильно постриженные в монахи уездные помещицы «за неумерное наказание» своих слуг и женщины, обвиняемые в колдовстве. Монастырь был небогатый и почти не имел каменных зданий. И только в конце XVIII века была осуществлена построй-

*Вид на правобережье
Тверцы*

ка Воскресенской церкви, а в 1838 году — круглой Иоанно-Предтеченской.

Стены церкви внутри украшены стеной живописью в духе прошлого столетия и большим иконостасом.

День, проведенный в Торжке, постепенно подходит к концу. Посмотрим еще раз на древний Торжок с высокого берега Тверцы. Город красив каким-то особым, незримым отблеском прожитого. Солнце садится. Над рекой и крышами домов загорается спокойный алый свет заката. На фоне светлого неба вырисовываются контуры зданий Борисоглебского монастыря. Собор кажется огромным и тяжелым, и только колокольня в вечерних сумерках легко и безудержно устремляется ввысь. А вдали на волнистом холме виднеется церковь Вознесения. Потемневшая от времени, она кажется совсем черной и какой-то сказочной среди других сооружений.

Полюбовавшись на город, отправляемся дальше. Вот и улица, составлявшая раньше часть Петербургского трак-

та. Когда-то по гулкой булыжной мостовой катились экипажи, мчались тройки, громко стучали колесами крестьянские телеги. Это было шумное и бойкое место.

Приглядываясь к приветливым домикам с неизменными геранями и гloxиниями на окнах, видишь, что прежние хозяева стремились их приукрасить. Над входными дверями и сейчас сохранились своеобразные «зонты», поддержанные коваными кронштейнами. В их узорах легко угадываются орнаменты, бывшие в употреблении в конце XVIII — начале XIX века. Простоватые карнизы и тяги на фасадах также хранят следы архитектурных приемов этого времени. Сюда по вечерам ездили развлечься и поглядеть на приезжих местные жители. Подобное занятие всегда вносило некоторое разнообразие в провинциальную жизнь городов.

Интересным обычаем многих русских городов, в том числе и Торжка, являлись вечерние гулянья горожан. Не трудно себе представить, как степенно и гордо

*Путевой дворец в Торжке.
Центральная часть
дворцового фасада.
XVIII в.*

прогуливались молодые девушки по улицам города. По обычаю, на них были надеты матерчатые разноцветные сарафаны, а поверх — спущенная с одного плеча телогрея. Женщины прихватывали рукой край телогреи и прикрывали им подбородок. Наряд этот дополняли серьги, ожерелья, лайковые перчатки и расшитые башмачки. Как правило, девушек сопровождали парни, одетые в цветные жилетки с бисерной цепью и в сюртуки. Богатством одежды новоторжцы были обязаны искусному труду рукодельниц, которых в городе было немало.

Большую роль в благосостоянии жителей Торжка играла «государева дорога». Четвертую часть населения города составляло сословие ямщиков — «ямская слобода», кормившаяся исключительно за счет приезжих.

Были в Торжке и постоянные дворы. Особой популярностью на протяжении многих десятков лет пользовалась гостиница Пожарского, названная по имени ее основателя — ямщика Пожарского.

В те времена у Пожарских часто устраивались выставки изделий золотой швей. Любовался искусством новоторжек и А. С. Пушкин.

Поэт бывал здесь в разные периоды своей жизни — веселым, жизнерадостным юношей, полным надежд, усталым, прославленным поэтом, но всякий раз неизменно его ожидала у Пожарских радушная, сердечная встреча. Навстречу «известному сочинителю» выходили хозяйка гостиницы — жена, дочь и свояченица Пожарского. Поэту отводили лучшую комнату и торопились сытно и вкусно покормить. Искусству в приготовлении котлет одной из женщин и посвятил Пушкин четверостишие, которое сейчас можно прочесть на фасаде здания:

«На дороге отобедай
У Пожарского в Торжке,
Жареных котлет отведай
И отправься налегке».

Гостиница стояла на площади, в одном из оживленных мест. И сейчас еще это двухэтажное здание, построенное в стиле ампира, выглядит весьма внушительно и фундаментально. Теперь здесь клуб имени Парижской коммуны. Но для нас этот дом интересен прежде всего тем, что в нем останавливался А. С. Пушкин.

В истории русской художественной культуры XVIII века видное место занимают сельские усадьбы, созданные часто по проектам крупных зодчих и, как правило, руками крепостных. Именно в это время, когда дворянство было освобождено от обязательной государственной службы и переселилось в свои поместья, отстраиваются родовые имения, окруженные садами и парками. Подъем хозяйственной деятельности и развитие культуры также немало способствовали усадебному строительству, развивавшемуся не только под Москвой и Петербургом, но и во многих других районах страны.

Богаты усадьбами и окрестности Торжка. Большинство из них относится к концу XVIII — началу XIX века. Причем многие из них связаны с именем Николая Александровича Львова, хорошо знакомого нам по архитектурным сооружениям Торжка и Валдая.

Каждый, кто побывал в Третьяковской галерее, наверно, запомнил в зале художника Д. Г. Левицкого небольшой портрет молодого человека с живым, мечтательным лицом. Это Н. А. Львов. Он родился в 1753 году под

*Иоанно-Предтеченская
церковь в Торжке. 1838.
Рисунок И. В. Ткаченко*

Торжком, в небольшой усадьбе своего отца — Черенчихах. Здесь он провел лучшие годы своей жизни (80—90-е гг. XVIII в.). Не получив специального архитектурного образования, Львов тем не менее обладал большими знаниями и незаурядным талантом, что позволило ему не только выступить в качестве архитектора и инженера-строителя, но и проявить себя во многих других областях искусства. Он был великолепным рисовальщиком и гравером, не менее одаренным поэтом, музыкантом, собирателем русских народных песен. Львов был душой кружка Державина, куда входили известные деятели культуры XVIII века — Капнист, Левицкий и другие.

Все, что дошло до нас от трудов Львова, не только говорит о редком трудолюбии зодчего, но и свидетельствует о большом и тонком вкусе художника. Его оригинальные произведения, выполненные в классических формах, оказали немалое воздействие на последующие

произведения русского классицизма начала XIX века. Поэтому, воспользовавшись близостью к Торжку усадеб, построенных по проектам Львова, познакомимся с некоторыми из них, и в первую очередь с Черенчицами, получившими от своего владельца второе название — Никольское. Здесь, в Никольском-Черенчицах, Львов жил, работал и умер. Здесь осталось одно из лучших, самых поэтичных его созданий — храм-усыпальница, а также парк, посаженный еще при жизни Львова, и часть хозяйственных построек, поражающих изобретательностью и выдумкой.

Никольское от Торжка отделяет двадцать километров пути.

Дорога начинается сразу же за древней частью города, точнее, за городским кладбищем, обнесенным оригинальной каменной оградой начала XIX века. Ее широкие арки чередуются с мощными столбами, создавая мерный ритм простых, но притягательных форм. Далее дорога бежит засеянными хлебом полями, лугами и рощами. В одном месте она пересекает извилистую, неширокую речку Осугу, приток знакомой нам реки Тверцы. Ее быстрые воды от теней прибрежного кустарника кажутся особенно темными и блестящими. Река пленяет прелестью своих неожиданных поворотов. Она то углубляется в лес, то струится среди полей, и только высокая густая трава на берегах выдает ее направление.

Раньше на Осуге, по омугам, стояли водяные мельницы, славившиеся мелким размолотом зерна. Мука с этих мельниц ценилась в Петербурге значительно выше, чем с остальных. Одна из переправ на реке до сих пор сохранила старинное название — «Татарский брод». Семьсот лет тому назад в восьмидесяти километрах от Торжка, в среднем течении Осуги, произошла кровавая битва между новгородцами и татарами, которая навсегда заставила монголов отказаться от захвата Новгорода. Многие курганы, разбросанные по берегам реки, местные жители до сих пор считают татарскими могилами.

Через Осугу в Никольское построен небольшой мост, сохранивший имя его строителя Николая Владимировича Маиевского. Он жил рядом, в усадьбе Первино, и известен как крупный ученый-артиллерист.

Никольское почти полностью скрыто в зеленом массиве густого старого парка, расположенного на склоне отлогой возвышенности, спускающейся к реке. Высокие разросшиеся липы, серебристые тополя и березы почти совсем закрыли оставшиеся постройки усадьбы. Только

*Климентовская церковь
в Торжке. Трапезная
и колокольня. Начало
XIX в.*

перед мавзолеем, поставленным на искусственной насыпи, деревья словно расступаются, образуя своего рода естественные кулисы (построен в 1789—1804 гг.).

Мавзолей исключительно прост по своей композиции. Он состоит из крупного в плане помещения самого храма, окруженного дорической легкой колоннадой и увенчанного небольшим куполом, и напоминает круглые в плане древнеримские храмы. Подобные здания часто назывались ротондами (термин, происшедший от латинского слова, обозначающего круг) и были распространены в русской архитектуре второй половины XVIII столетия. Храм возвышается на относительно высоком цоколе. Он выложен из валунов, хорошо пригнанных друг к другу. Серые, приглушенные тона этого естественного камня прекрасно оттеняют белизну колонн и стен, возносящихся над постаментом. В цоколе находится крипта — место погребения семьи Львовых. Разделение мавзолея на две части — храм и усыпальницу — вытекает из

*Церковь-мавзолей
в Никольском-Черенчицах.
1789—1804 гг.
Архитектор Н. А. Львов*

замысла сооружения. Собственно храм — это олицетворение вечной жизни, ее утверждение. В основе его композиции — «вечная» форма круга. Нижняя же его часть, скромное и строгое помещение, отведена для умерших. Здесь тишина, сумрак. Это место успокоения.

Подобная форма храма была особенно любима Львовым, как «самая современная», как «самая простая, однородная, ровная, прочная и величественная». К ней он обращался часто, почти всю жизнь — в Торжке, в Петербурге, на Валдае, где мы с ней встречались еще в начале нашего путешествия.

Купол, увенчивающий храм, — двойной. Он предоставляет большие возможности для ровного освещения храма и потому часто применялся Львовым в его постройках. Нижний купол, видный изнутри храма, имеет большое круглое отверстие. Над этим отверстием возведен второй купол. Из окон, скрытых за обрезом нижнего купола, падает свет, благодаря чему купол кажется необычайно

легким, словно парящим, почти лишенным своей материальности. Этот верхний купол интересен и в конструктивном отношении — основные его части были выполнены из металла, что, безусловно, являлось по тем временам строительной новинкой. Сам купол был некогда завершен позолоченным шаром с крестом.

В решении интерьера Львов также стремился достичь ощущения легкости архитектурных форм. Стены храма он прорезает четырьмя широкими арками с поставленными в их пролетах небольшими коринфскими колоннами. Это зрительно расширяет пространство зала. Стены он украшает росписями, посвященными теме воскресения. Евангельские сцены, видимо, были выполнены одним из крепостных живописцев Львова, а может быть, кем-либо из его петербургских друзей-художников. Остатки этой живописи можно видеть в алтарной части. Красновато-коричневая гамма росписей хорошо сочетается со светлым искусственным мрамором стен.

*Портрет Н. А. Львова.
Гравюра с портрета
художника Д. Г. Левицкого.*

Некогда храм несомненно производил сильное впечатление, чему немало способствовали узорный паркет и блеск сверкающих паникадил-люстр. Все вместе взятое звучало как гимн во славу вечно возрождавшейся жизни, которую так любил автор этой замечательной постройки. Невольно вспоминаются его слова, бегло записанные на полях одной из книг библиотеки: «Я думал выстроить храм солнцу не потому, что он солнцу надписан был, но чтобы в лучшую часть лета солнце садилось или сходило в дом свой покоиться. Такой храм должен быть сквозным, а середина его — портал с перемычкой, когда обе стороны закрыты стеною, а к ним с обеих сторон лес. Но где время? Где случай?»

Но, может быть, все же время и случай нашлись, и Львов осуществил — правда, несколько по-другому — свою мечту...

Увлечшись архитектурой мавзолея, мы почти забыли о самой усадьбе, которая совсем рядом, за парком, справа.

ЛЪВОВЪ НИКОЛ

*Погреб-пирамида
в Никольском-Черенчицах.
XVIII в.*

От усадебного дома и его флигелей сейчас осталось не больше одной трети. Первоначально, до 80-х годов XVIII века, здесь стоял деревянный дом, в котором и родился архитектор. В 1780 году Львов женился на Марии Дьяковой, чей портрет можно увидеть там же, в Третьяковской галерее. Он написан также Левицким, которого пленили чистота и доверчивость юного, обаятельного существа, ставшего женой его друга.

После женитьбы Львов задумывает генеральную перестройку своей усадьбы. Место, где она стояла, было не из удачных — пологий, малоинтересный склон холма, отсутствие леса и тут же рядом, в низине, обширное болото. Нужно было обладать большой выдумкой и энергией, чтобы преобразовать это неказистое родительское имение. Львов своеобразно разрешил стоявшие перед ним проблемы. Вдоль длинного склона были посажены молоденькие деревья будущего парка. Теперь это могучие липы, березы, лиственницы и серебристые тополя, бере-

гущие память о тех, кто их сажал и выращивал. На более высоком месте склона был поставлен дом, недалеко разбит вишневый сад, не заслонявший панорамы окрестных, уходивших вдаль лугов, открытых взору из окон. За английским парком, в низине, разместился каскад искусственных прудов. Болото же было осушено и превращено в луга, где построили скотный двор. В непосредственной близости от дома, у сада, была поставлена оранжерея, на возвышенном сухом месте — амбар, хранилище для зерна, а рядом с домом — погреб, в решении которого сказалась ценная черта архитектурного таланта Львова — его умение сочетать практическую целесообразность здания с художественностью внешнего облика. Погреб можно видеть и сейчас. Он имеет вид пирамиды, облицованной крупными, гладко отесанными камнями. Вход в него выделен аркой, сделанной из искусно подобранных естественных камней. Интересно и его внутреннее устройство. Погреб состоит из трех ярусов. В подземной части помещался ледник. Над ним располагалось помещение для продуктов. Сюда в жаркую летнюю пору Львов приходил со своими гостями, чтобы предложить им холодные напитки. Своды этого небольшого, круглого в плане помещения были покрыты орнаментальной живописью. Круглое отверстие соединяло эту часть погреба со свето-вентиляционной камерой, откуда поступал свежий воздух и проникали лучи солнца.

Львов великолепно использовал рельеф местности. Кузницу он устроил в склоне возвышенности с правой стороны от усадьбы, в непосредственной близости от расположенной тут некогда деревни. Перекрывавшие кузницу своды и само их расположение в земле не могли вызвать пожара, столь страшного во все времена для русского человека. Как и в других своих постройках, Львов использовал в обработке фасада кузницы извечный местный материал — валуны, столь обильные на окрестных полях. Они стали своего рода лейтмотивом всех сооружений, связывая их в единое целое.

Дом, где жили обитатели имения, почти не уцелел. О нем мы можем судить лишь по сохранившейся части с правым флигелем на гравюре с собственноручной надписью Львова. Дом на гравюре выглядит в виде двухэтажного куба, увенчанного бельведером и украшенного портиком с четырьмя ионическими колоннами. Боковые флигели были пристроены несколько позднее. Оставшаяся часть одного из них весьма скромна по своим архитектурным формам, тем не менее выполнены они с боль-

шим вкусом и художественным чутьем. Формы и пропорции окон, профилировка карнизов и другие детали свидетельствуют об одаренности архитектора, стремившегося сочетать простоту с неподдельным изяществом.

О том же свидетельствует отделка нескольких сохранившихся комнат, составлявших некогда продуманный ансамбль жилых помещений. Они группировались вокруг центрального зала. В целом подобная планировка была близка к принятым в то время схемам расположения комнат, однако Львов избежал анфилады, предотвратив тем самым возникновение в доме сквозняков. Были в доме и другие новшества. Он изобрел, в частности, специальное воздушное отопление, связанное одновременно с вентиляцией, что позволяло регулировать температуру воздуха в комнатах. Все в доме было продумано Львовым до последней мелочи. Даже мебель была выполнена по его рисункам, так же как паркет и переплеты рам для окон.

Перестройка усадьбы заняла у Львова несколько лет. В этот период он жил здесь вместе с семьей. Жизнь вдали от столицы и двора не казалась ему скучной и однообразной. Напротив, будучи поклонником Руссо и разделяя его взгляды на природу и общество, Львов находил смысл существования в радостях семейной жизни и ежедневном общении с природой. Вот как Державин, крупнейший русский поэт XVIII столетия, рисует идиллическую жизнь своего друга в стихотворении «К Н. А. Львову»:

«Скрыта жизнь твоя в деревне
Течет теперь, о милый Львов!
Как светит меж цветов источник
В лесу дремучем...
Но ты умен, ты постигаешь,
Что тот любимец лишь небес,
Который под шумком потока
Иль сладко спит, иль воспевает
О боге, дружбе и любви.
Восток и запад расстилают
Ему свой пурпур по путям,
Ему благоухают травы,
Древесны поливают ветви
И свищет громко соловей,
За ним раскаянье не ходит
Ни между ним, ни по садам,
Ни меж озер и кущ приятных,—
Но всюду радость и восторг.

Труды крепят его здоровье.
 Как воздух, кровь его легка,
 Поутру, как зефир, летает
 Веселы обозреть работы,
 А завтракать спешит в свой дом.
 Тут нежна, милая супруга —
 Как лен пушист, ее волосы —
 Снегоподобною рукою
 Взяв шито, брано полотенце,
 Стирает пот с его лица...».

Даже немногое, что мы увидели в Никольском, дает нам право оценить Н. А. Львова как тонкого и искусного архитектора, изобретательного инженера и одаренного человека. Пусть мы не увидели когда-то стоявшего здесь дома, красивого и просторного, и всех преобразований, которые осуществил Львов в своей усадьбе, — все равно картина русской сельской усадьбы, где столь полно и ярко проявилось дарование художника, надолго запечатлется в душе.

Хочется думать, что знакомство с усадьбами, построенными Львовым, пробудит у читателя и зрителя живой интерес к его творчеству. Ведь этими произведениями не исчерпывается творческая энергия Львова. Вокруг Торжка находится еще ряд выстроенных им усадеб, в которых сохранилось немало интересных памятников. В их числе церковь и колокольня в Арпачеве — имени дядей Львова. Постройки относятся к раннему периоду его творчества. От Никольского Арпачево всего в двух километрах.

Львову также приписываются усадьбы в Митине, Василеве. Обе усадьбы находятся совсем рядом с Торжком (до Митина ходит городской автобус). Они расположены по обоим берегам Тверцы. Река здесь особенно хороша. Разросшиеся парки обеих усадеб непосредственно переходят в окружающие их лес и сосновый бор. В Митине мы найдем и погреб в форме пирамиды, и конюшни, и скотный двор, выдающие руку Львова. Особенно хороши пруды в Василеве, спускающиеся террасами к реке Тверце. Через них перекинут трехарочный с контрфорсами и гротами «Чертов мост», облицованный традиционными для зодчего валунами. Этот мост, которым до сих пор справедливо гордятся местные жители, обладает четко прорисованной центральной аркой из круглых гранитных блоков и может служить лучшим образцом русской парковой архитектуры XVIII века.

Интересна старинная усадьба Грузины. Здесь еще сохранился дом, приписываемый Растрелли. Сейчас к нему

*Церковь в Арпачеве.
XVIII в. Архитектор
Н. А. Львов*

*Колокольня
в Арпачеве. XVIII в.
—→*

сделана пристройка, а церковь, когда-то сооруженная по рисунку В. П. Стасова, разобрана. Львов принимал участие в разбивке парка. Существует предание, что по аллеям этого красивого старинного парка когда-то любила гулять Керн, жившая в Грузинах в имении Полторацких. И похоронена она неподалеку от этих мест, всего в километре от Митина, на Прутенском погосте.

К творчеству Львова относят и усадьбу Прямухино, принадлежавшую А. М. Бакунину.

Чтобы иметь более полное представление о многогранном искусстве Львова, о его тонких и вместе с тем глубоких замыслах, нам следует побывать в еще одной усадьбе, построенной архитектором, — Знаменском-Райке. Для этого нам придется вернуться на шоссе Москва—Ленинград, от которого усадьба совсем близка, всего в трех километрах по направлению к Калинин.

В то время, когда шло строительство, усадьба принадлежала Ф. И. Глебову-Стрешневу — генерал-аншефу и

*Мост в усадьбе Василево.
XVIII в.*

сенатору, видному вельможе екатерининского времени. Он владел большими поместьями с восемнадцатью тысячами крепостных и был близок ко двору. Одно только это определяло иной характер усадьбы, чем в Никольском. Действительно. Знаменское-Раек представляет собой не интимную усадьбу, отражающую чувства и мысли просвещенного человека, каким был Львов, а предстает перед нами как крупный дворцовый комплекс, столь характерный для конца XVIII века.

Местность вокруг усадьбы отличается спокойным, почти равнинным рельефом. Однако для ее постройки было выбрано более возвышенное место, на одной из излучин реки Оловеж, благодаря чему усадьбу можно увидеть с шоссе среди окружающих ее полей и лесов.

Дорога, ведущая в усадьбу, пролегает так, что, следуя по ней, нужно обогнуть всю усадьбу, прежде чем окажешься перед своего рода триумфальной аркой, ведущей на парадный двор. Двор этот играет важную роль в ан-

*Липовая аллея в усадьбе
Василево*

самбле усадьбы, так как жилой дом относительно невелик. Но, видимо, по желанию Глебова он должен был выглядеть торжественным, величественным сооружением, близким к тем дворцам, которые возводили в своих поместьях состоятельные вельможи — современники Глебова. Именно поэтому архитектор украсил двор двойной дорической колоннадой, соединяющей дом с вытянутыми вдоль двора флигелями и триумфальной аркой въезда. Колоннада располагается и перед фасадами флигелей, образуя перед ними глубокие лоджии. Благодаря этим приемам парадный двор Знаменского уподобляется своего рода римскому форуму, заставляя посетителя пройти или проехать сравнительно далекий путь от въездной арки к дому. Колоннада создает многообразие архитектурных видов и одновременно связывает все сооружения в единый ансамбль, подчиненный центральному зданию — усадебному дому. Он господствует над всеми постройками, несмотря на то, что его портик состоит всего из

*Усадьба Знаменское-Раек.
Вид дома с колоннадой
со двора. Флигель
с башней. XVIII в.*

четырёх колонн. Количество декоративных деталей, применённых здесь Львовым, относительно невелико, что было обусловлено римско-дорическим орденом колонн. Каменный аттик ворот с филёнками и каменными вазами, ажурная балюстрада, оббегающая колоннаду поверху, — вот почти все, чем воспользовался архитектор для декоративного убранства ансамбля. О своей сдержанности в отношении декора сам Львов высказался весьма недвусмысленно: «Украшение только то у места, которое вид надобности имеет: кружки, крючки и падинки на пропорциональном строении не более оное украшают, как парчовые заплатки на стройном гладком кафтане».

Закладка дома в Райке произошла в 1787 году. Постройка усадьбы заняла несколько лет, в продолжение которых сменилось много архитекторов, призванных следить за «палатным строением». Здесь, выполняя замысел Львова, работали К. Буци, А. Трофимов, англичанин В. Ирвен и, наконец, известный итальянец Ф. Руска.

*Усадьба Знаменское-Раек.
Вид дома с колоннадой.
XVIII в.*

Усадьба в Знаменском-Раике начала отстраиваться в одно и то же время с усадьбой самого Львова, над проектами которых он, видимо, работал одновременно. Вот почему, осматривая дом в Раике и другие уцелевшие в парке сооружения, невольно ловишь себя на том, что многое знакомо. Однако дом в Раике не был простым повторением Никольского. Он представляет собой сооружение иного назначения. Перед нами ансамбль дворцового типа. Планировка усадебного дома с его овальным входным вестибюлем, парадной лестницей, центральным залом и редким по изобретательности и пространственности перистильным двориком, переходящим в эффектный, далеко выступающий портик в сторону парка,— все это говорит о расчете на пышные приемы высокопоставленных гостей.

Возможно, усадьбу Глебова посетила и сама императрица, судя по тому, что в столовой имелось почетное место, над которым висел портрет Екатерины II.

*Парковый павильон
в усадьбе Знаменское-
Раек. XVIII в.*

Из вестибюля двери вели во внутренние помещения. Одна из них выходила на парадную лестницу, декорированную сразу тремя ордерами, что создавало впечатление особой торжественности, подготавливая к восприятию остальных парадных комнат и залов, разместившихся в верхнем — втором — этаже. Здесь в центре находился главный зал, перекрытый двойным, уже хорошо нам знакомым куполом. Через круглое отверстие нижнего купола проникал свет из окон купольного бельведера. Купол был расписан живописью, имитировавшей кессоны. На фризе в овалах были изображены двенадцать знаков зодиака. Стены зала украшались каннелированными пилястрами, сообщавшими залу праздничную нарядность.

С не меньшей тщательностью были отделаны и другие помещения усадьбы. Красные двери, темно-красный мраморный камин в сочетании с бронзовыми деталями и позолотой создавали впечатление роскоши и великолепия.

В парадной столовой была применена более сдержанная, почти монохромная цветовая гамма. По стенам здесь висели царские портреты, что напоминало аналогичное убранство чесменского дворца под Петербургом. Тут же находился внутренний балкон, где, вероятно, размещались музыканты, игравшие во время особо торжественных обедов. На большом холсте над входной аркой, выполнявшем роль панно, была изображена мифологическая сцена с подписью крепостного художника Николая Устинова.

Не меньшим изяществом отделки отличались и другие комнаты верхнего парадного этажа — спальня, кабинет.

Мебель, паркет, люстры и посуда, судя по сохранившимся рисункам, проектировал также Львов. Все это выполнялось одаренными крепостными мастерами, выпущенными специально из Петербурга. Сохранившаяся в одной из комнат бело-синяя изразцовая печь, видимо, также сделана по проекту Львова.

Парку Знаменского-Райка было уделено не меньшее внимание, чем убранству комнат дома. Хотя Львов придерживался принципов «натурального», то есть естественной пейзажной сада, тем не менее он в изобилии украсил парк беседками и павильонами. Широкие аллеи вели к многочисленным прудам, искусно устроенным по оврагам. На них были установлены купальни и пристани, а также арочные мостики из «дикого камня» — валунов. Такой же арочный мост был перекинут и через реку. Некогда на южной стороне одного из прудов был устроен грот, возле которого находилось изваяние сидящей русалки. Остатки прекрасной когда-то скульптуры и сейчас еще говорят о незаурядном мастерстве ее исполнителя. И, может быть, именно этой выплывшей из воды русалке посвятил одно из своих стихотворений Державин.

«Тогда бы я между прудами
на мягку мураву воссел
и арфу с тихими струнами
приятность сельской жизни пел;
тогда бы нимфа мне внимала,
боясь в зеркало вод взглянуть,
сквозь дымку бы едва дышала
ее высока нежна грудь!..»

Об оригинальных садовых постройках, стоявших на берегах водоемов, мы можем судить только по рисункам и чертежам архитектора, хранящимся в архитектурных

музеях Москвы и Ленинграда. Сейчас в парке их нет. Сохранился только погреб, увенчанный беседкой и перекрытый куполом. Вход в погреб украшен фреской, а в арке применены известные нам валуны. Внутри на сводах была сделана роспись, столь часто встречающаяся в парковых сооружениях Львова.

За усадьбой на Васильевой горе, у кладбища, доживает свой век цилиндрическая часовня, также окруженная колоннадой, но на этот раз ионической, что несколько смягчает ее строгие, почти аскетические формы.

Однако нет возможности остановиться на всех памятниках, сохранившихся в окрестностях Торжка. Впереди у нас еще путешествие в Старицу, где предстоит познакомиться с целым рядом интересных сооружений. Итак, снова в дорогу.

Перед взором открываются просторы полей, обширные безлесные долины. Пестрят цветами луга и бугорки, холодно поблескивают озера, мелькают деревни и села. Их названия едва успеваешь прочитать. Они очень незатейливы, но на редкость поэтичны: Миронезье, Марьино, Сельцо... Среди них особенно привлекательно большое красивое село Медное. Вспомнить, где мы с ним встречались раньше, нетрудно — конечно же в книге А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Во время остановки в селе Медном писатель столкнулся с обычаем устраивать в больших селениях торги по продаже крепостных. Рыдания и крики навсегда разлучаемых людей заставили содрогнуться сердце писателя. Потрясенный виденным, он с беспощадностью обличает весь феодально-монархический строй России.

Медное, пожалуй, одно из самых живописных селений на нашем пути. Село раскинулось широко и привольно на берегах извилистой реки Тверцы. Добротные, свежеразкрашенные дома утопают в зелени садов. Медное — село старинное. Еще и сейчас, задержавшись у здания автовокзала, можно услышать чей-нибудь пространный рассказ о том, как непроходимые в древности леса вокруг Медного приостановили в свое время продвижение полчищ татар.

Впервые официально Медное упоминается в случайно сохранившемся документе — берестяной грамоте начала XV века, когда село принадлежало известному новгородскому посаднику Юрию Онциферовичу. Вероятно, needing в крупной сумме денег, он продал Медное новгородскому боярину, некоему Михаилу Федоровичу. Цена по тем временам была немалая, что вызвано было, по-

видимому, значением Медного как пограничного торгового пункта.

Проезжая в этом месте через Тверцу, нельзя не залюбоваться немудреной красотой ее невысоких берегов, невозмутимым зеркалом темных вод, в которых отражаются тени прибрежных кустов и сочных луговых трав. Этой скромной реке были обязаны в древности своим возникновением и существованием многие русские городки и селения, в том числе и Торжок. Сейчас, правда, трудно себе представить, как между узких берегов когда-то торопливо проплывали многочисленные караваны лодок, груженных хлебом и другими товарами, и тем не менее путь по реке был единственным в те времена.

Медное давно осталось позади, шоссе устремляется к Калинин. Но мы, не доезжая до города, сворачиваем в сторону — на дорогу к Старице, конечному пункту нашего путешествия.

3. Старица

Не говорите, что у нас нет памятников... они рассеяны всюду, особенно в старинных городах наших, но не всякий хочет замечать их...

В. Г. Белинский

Августовским днем 1581 года к небольшой крепости в верховьях Волги, именуемой Старицей, приближался многочисленный караван лодок. В одной из них находился человек, одетый во все черное, по имени Антоний Посевин. Он прибыл в Россию для встречи с Иваном IV. Шла многолетняя изнурительная война Русского государства с Польшей и Литвой за выход к Балтийскому морю. Грозный переселился в одну из своих любимых резиденций — Старицу — для руководства войсками. Здесь же предстояло русскому царю встретиться с посланником римского папы и обсудить вопросы перемирия.

Уставший от длительного путешествия посол с нетерпением всматривался вдаль, ожидая с минуты на минуту появления неведомой ему ранее Старицы. Наконец преодолен последний поворот реки. Волга неожиданно распрямилась, и открылся вид на город, стоящий высоко на холме.

Много встречал на своем пути папский нунций крепостей и храмов, дворцов и церквей. Но то, что предстало перед ним в Старице, было похоже на фантастическую сказочную картину. Белокаменные стены, сторожевые башни под шатровыми крышами, казалось, созданы были самой природой. Все было сделано просто, незатейливо, без всякой нарочитой изощренности. Запахи лесов, бездонная ширь неба, безбрежные массивы лесов завершали собой эту удивительную картину русской земли.

Через городские ворота Посевина направили к кремлю, где возвышалось своеобразное по форме здание. Это был

пятишатровый храм. Его огромные, высеченные из розового камня шатры уходили высоко в небо. Неподдалеку от храма находился дворец. Он занимал обширную территорию, выделяясь живописным расположением своих клетей, крытых порознь различными по форме, очень затейливыми по виду крышами. Не менее интересно выглядели дворцовые лестницы с рундуками-площадками, крытые шатрами. Поодаль от дворца стояли рубленые из толстых бревен дома дворцовой челяди, а дальше к стенам теснились избы горожан.

Здесь, в Старице, в царском дворце, устланном коврами, с низкими сводами, при горящих свечах и лампадах состоялась аудиенция Посевина с русским царем.

Думается, что именно так выглядела в ту пору Старица, такой ее рисует наше воображение. Это было время наивысшего расцвета Старицы за весь период ее древней истории. Хорошо укрепленная крепость с выгодным экономическим и военным местоположением, богатая княжеская вотчина, город величественных архитектурных сооружений — такова Старица эпохи Грозного.

По давней русской традиции объединитель русских земель Иван III незадолго до своей смерти роздал своим детям в частное владение города и волности Великого княжества Московского. Старица досталась в наследство младшему сыну — Андрею. По имени городка князь стал называться Старицким. Андрей Старицкий не был наделен выдающимися способностями государственного деятеля и политическим честолюбием. Он занялся хозяйственным устройством своих владений, строительством монастыря и княжеского дворца, тем самым заложив основу меценатству князей Старицких.

Однако вскоре произошли события, трагически отразившиеся на роде князей Старицких. После смерти Московского великого князя Василия Ивановича в 1533 году престол перешел к его малолетнему сыну Ивану IV — будущему Грозному. Но фактически власть захватили группировки князей и бояр, часто сменявшие друг друга. Доносы сопровождалась кровавыми расправами. Одной из жертв стали дядя молодого великого князя дмитровский князь Юрий, а следом за ним Андрей Старицкий. Та же участь, казалось бы, ждала и княгиню Ефросинью Старицкую, жену князя, и их малолетнего сына Владимира, посаженных в Москве в «городе за приставы на Берсеновом дворе». Однако их судьба сложилась иначе — княгиня с сыном были освобождены в 1539 году и приближены ко двору молодого царя. Старицкий удел

Плащаница «Положение во гроб». Вклад княгини Е. Старицкой в Кирилло-Белозерский монастырь

возвращен в их пользование. Так началось сближение старицкого князя с Иваном IV. В 1547 году княгиня Ефросинья «сидела на материнском месте» на свадьбе Ивана IV, а князь Владимир был в числе тысяцких. Свадьба самого Владимира Андреевича Старицкого в 1550 году с Евдокией Нагой была не менее пышно и торжественно отпразднована в царском дворце.

Однако Ефросинья Старицкая не забыла о нанесенных ей обидах. Долгие годы она вынашивала замысел захвата царского престола.

В своем уделе, в Старице, Владимир Старицкий продолжил дело отца — он возобновил строительство Успенского монастыря. Не осталась в стороне и княгиня Ефросинья Старицкая. Она организует своего рода мастерскую шитья, как бы соревнуясь с молодой царицей. В мастерской изготовлялись различные шитые пелены, покрывала, плащаницы. Тщеславная и честолюбивая, Ефросинья Старицкая собрала у себя в мастерской са-

мых одаренных мастериц. Воспользовавшись своей близостью к царскому двору, она пригласила к себе и лучших художников Москвы, украшавших в то время соборы Кремля. По их рисункам и выполнялись вышивки.

На Руси с давних пор существовал обычай, по которому в монастырь, собор или особо чтимую церковь поступали пожертвования. Как правило, эти жертвования были связаны с теми или иными датами в жизни вкладчика. Княгиня Ефросинья расчетливо давала свои вклады-пожертвования. Тем самым она заручалась симпатией все еще могущественного духовенства, игравшего большую роль во внутренней жизни государства.

Все известные плащаницы князей Старицких представляют выдающиеся памятники русского декоративно-прикладного искусства. Они поражают совершенством своего выполнения, монументальностью форм, стремлением реалистически передать человеческие чувства, необыкновенным драматизмом и какой-то внутренней напряженностью.

Среди замечательных произведений, созданных по заказу и на средства княжеской семьи Старицких, выделяется плащаница, данная вкладом в Троице-Сергиев монастырь в 1561 году (сейчас ее можно увидеть в экспозиции Историко-художественного музея города Загорска). На плащанице изображено оплакивание умершего Христа. Эта трагическая евангельская тема была особенно любима княгиней Ефросиньей. Наиболее сильное впечатление оставляет лицо богоматери. Свободную и вместе с тем продуманную, цельную по замыслу композицию завершает вкладная надпись, вынесенная за кайму. Крупная вязь букв надписи воспринимается как красивый, оригинальный орнамент.

Более сорока разнообразных швов-приемов шитья использовано вышивальщицами в этой огромной по размеру плащанице. Особенно выделяются красотой своих узоров одежды апостолов, шитье золотом и серебром. Каждая из них выполнена по-своему: здесь и трилистники, и вышитые черные веточки с простыми листочками, и цветы. Можно подумать, что это не шитье, а вшитые куски различной по рисунку драгоценной ткани — парчи, настолько совершенна работа княжеских мастериц.

Мастерская шитья князей Старицких продолжала существовать, по-видимому, и тогда, когда княгиня Ефросинья по приказу Грозного была пострижена насильно и заключена в монастырь за участие в заговоре. Уже буду-

чи монахиней, она послала в дар Кирилло-Белозерскому монастырю плащаницу (хранится ныне в Государственном Русском музее в Ленинграде). Плащаницу отличает тот же великолепный рисунок, вышитый так называемым атласным швом. Один из самых примечательных и загадочных образов плащаницы — образ Марии Магдалины. Она изображена в профиль — редкий случай в русском шитье. Лицо ее настолько индивидуально и необычно, настолько выразительно по своей внутренней силе, что исследователи видят в нем черты самой княгини Ефросиньи. Действительно, юная Мария Магдалина изображена с тонкими старческими губами. Ее горбоносое лицо и остро выдающийся подбородок могут принадлежать только реальной женщине. Такой, видимо, и была княгиня Ефросинья в последние годы своей жизни.

После того как Ефросинья была выслана на север, в монастырь близ Кириллова, Старицкий удел был упразднен. В 1569 году, по новому доносу, князя Владимира

*Церковь Успения в селе
Иваниши. Середина XVI в.*

Андреевича обвинили в заговоре и казнили вместе со всей его семьей. В далеком Кириллове предали смерти и властолюбивую, непокорную княгиню — она была утоплена в реке Шексне. Так закончилась бурная, полная политических интриг и волнений жизнь князей Старицких. Город Старица после смерти князя Владимира Андреевича не имел больше своих князей.

Обо всем этом вспоминаешь на пути к Старице. От Калининна к городу протянулось удобное асфальтированное шоссе, которое заменило старую тверскую дорогу. Прямое гладкое шоссе пересекает равнины, взбегают на холмы, опускается в низины, направляясь вперед на юго-запад.

По дороге к Старице селений почти не встречаешь. Они остаются в стороне — то за леском, то за холмом, и только узкие тропинки легко вьются между кустарником. Спустя некоторое время проезжаем село, расположенное на возвышенности. Это Иваниши. На вершине холма у ската к извилистой речушке встает величественная

*Старицкий Успенский
монастырь*

старинная церковь, ныне единственный свидетель, оставшийся от строений Ванишского мужского монастыря, существовавшего в середине XVI века. Церковь Успения была построена по заказу видного боярина Ивана Шигони-Поджогина, одного из ближайших и любимых вельмож Василия III, в 30-х годах XVI столетия. К концу своей жизни Шигоня отписал свои владения Иосифо-Волоколамскому монастырю и постригся монахом в Ванишский монастырь. Здесь в Успенской церкви он и похоронен вместе со своей женой, о чем свидетельствует каменное надгробие.

Собор поставлен на холме и привлекает взор простотой своих форм и хорошо найденными пропорциями.

Дальше, почти до самой Старицы, ландшафт не меняется — те же вспаханные поля с весело бегущими ручейками, те же старые развесистые березы, стоящие на опушках леса. Но вот и сама Старица. Она предстает в обрамлении изумрудных холмов, безбрежных просторов

полей и ясного, чистого неба. Город невелик. Он расположился на двух довольно крутых берегах Волги. Рядом с городом — старинный Успенский монастырь. Он считался одним из старейших монастырей северо-восточной Руси. По преданию, в 1110 году из далекой Киево-Печерской лавры пришли сюда на берега Волги два инок — Трифон и Никандр. Они плыли по реке и облюбовали на одном из ее берегов, в стороне от Волги, среди вековых деревьев, ровное возвышенное место. На этом пустынном месте они построили себе небольшую часовню. Так было положено начало будущему монастырю.

Расположенный на безлюдном берегу Волги, он стал надежным укрытием для людей, бежавших либо от княжеских междоусобиц и бесчинств, либо от нашествия врагов. В конце XII века преемники основателей Успенского монастыря начали постройку деревянного Успенского собора. Монастырь находился на землях, которыми вначале владел Великий Новгород, поэтому возможно, что

закладка нового собора происходила не без участия новгородцев. Некоторые литературные источники утверждают, что на освящении построенного собора присутствовал суздальский князь Андрей Боголюбский, владения которого находились неподалеку. В безмолвии монастырских келий монахи, нашедшие успокоение от мирских бурь, вели летопись событий. Однако до нас не дошло никаких упоминаний и свидетельств от ранних веков. Видимо, после нашествия татар Успенский монастырь прекратил свое существование.

И только в первой четверти XVI века князь Андрей Старицкий возродил древний монастырь, перенеся его на новое место. Он поместил его напротив городища, ближе к реке, что было сделано в стратегических целях — монастырь охранял незащищенный посад правого берега Волги.

Сейчас, когда смотришь с холма на монастырские сооружения, они кажутся небольшими и приземистыми. Здания утратили оборонительные признаки и имеют вполне мирный вид. Подойдя к ним ближе, поражаешься четкой завершенности форм, какому-то стилистическому единству всех построек, хотя принадлежат они разным историческим периодам. Нас сразу же захватывает дыхание того большого и мужественного искусства, которым в совершенстве владели наши предки.

Главная монастырская постройка — Успенский белокаменный собор. Он построен более четырехсот лет назад (1530). Собор стоит в глубине двора, среди монашеских могил и каменных надгробий, в окружении более поздних сооружений. При возведении собора да и других зданий княжескому зодчему пришлось решать нелегкую задачу — надо было поставить будущий собор так, чтобы он зрительно не потерялся рядом с высоким городищем, с его стенами и башнями, с его церквями и хорами. К тому же, как и подобало преемнику древнего монастырского храма, собор должен был быть в меру торжествен и великолепен. Ведь сооружался он по заказу одного из сыновей великого князя Московского Ивана III — князя Старицкого.

Несмотря на то, что в плане собор был достаточно традиционен (несколько вытянут с запада на восток, имеет четыре довольно массивных внутренних столба и три апсиды), он представляет оригинальный памятник русского зодчества первой половины XVI столетия. Своеобразие собора заключается в его внешнем облике, который определяется сложной пирамидальной композицией. Зодчий

*Старицкий Успенский
монастырь. Рисунок
И. В. Ткаченко*

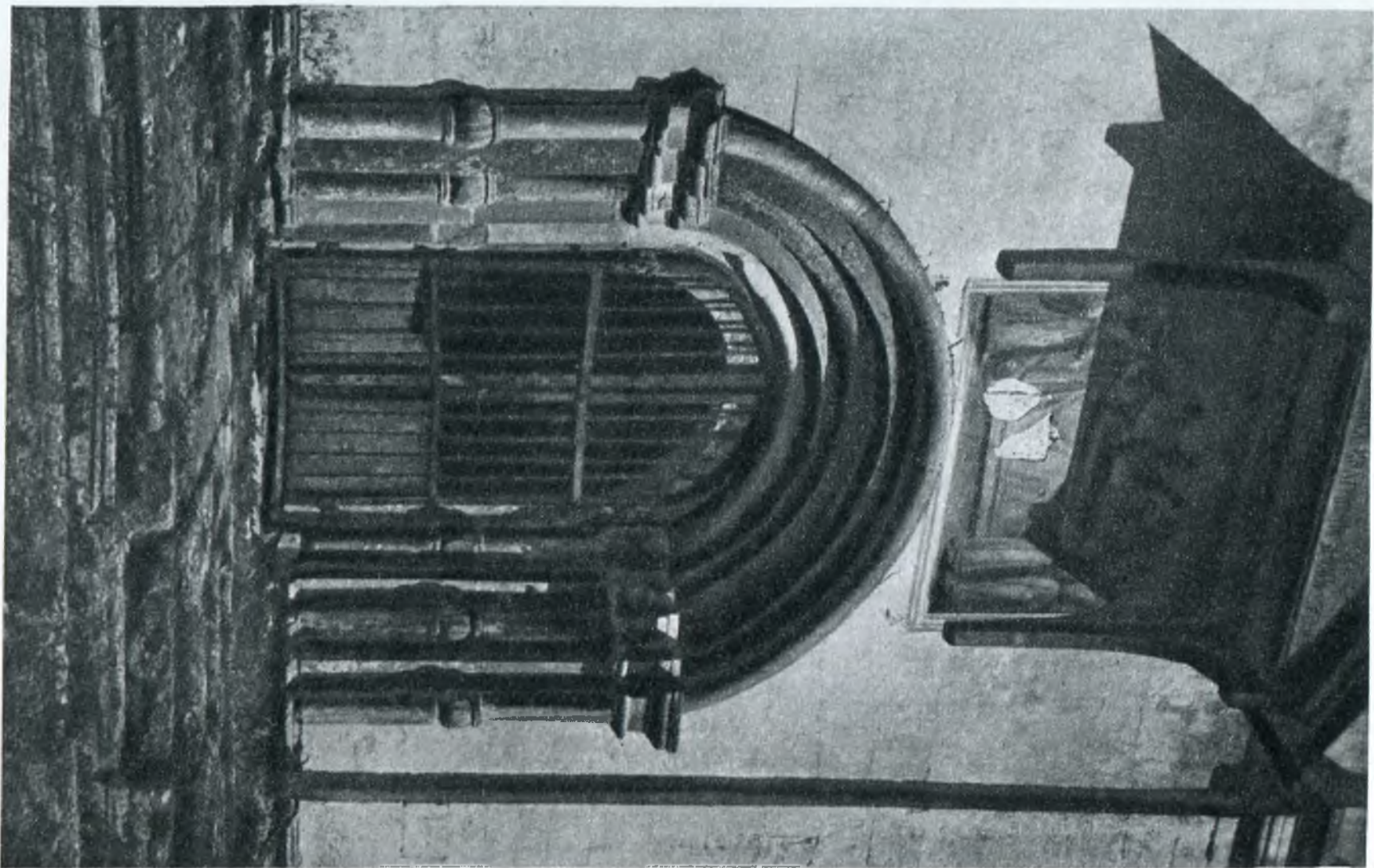
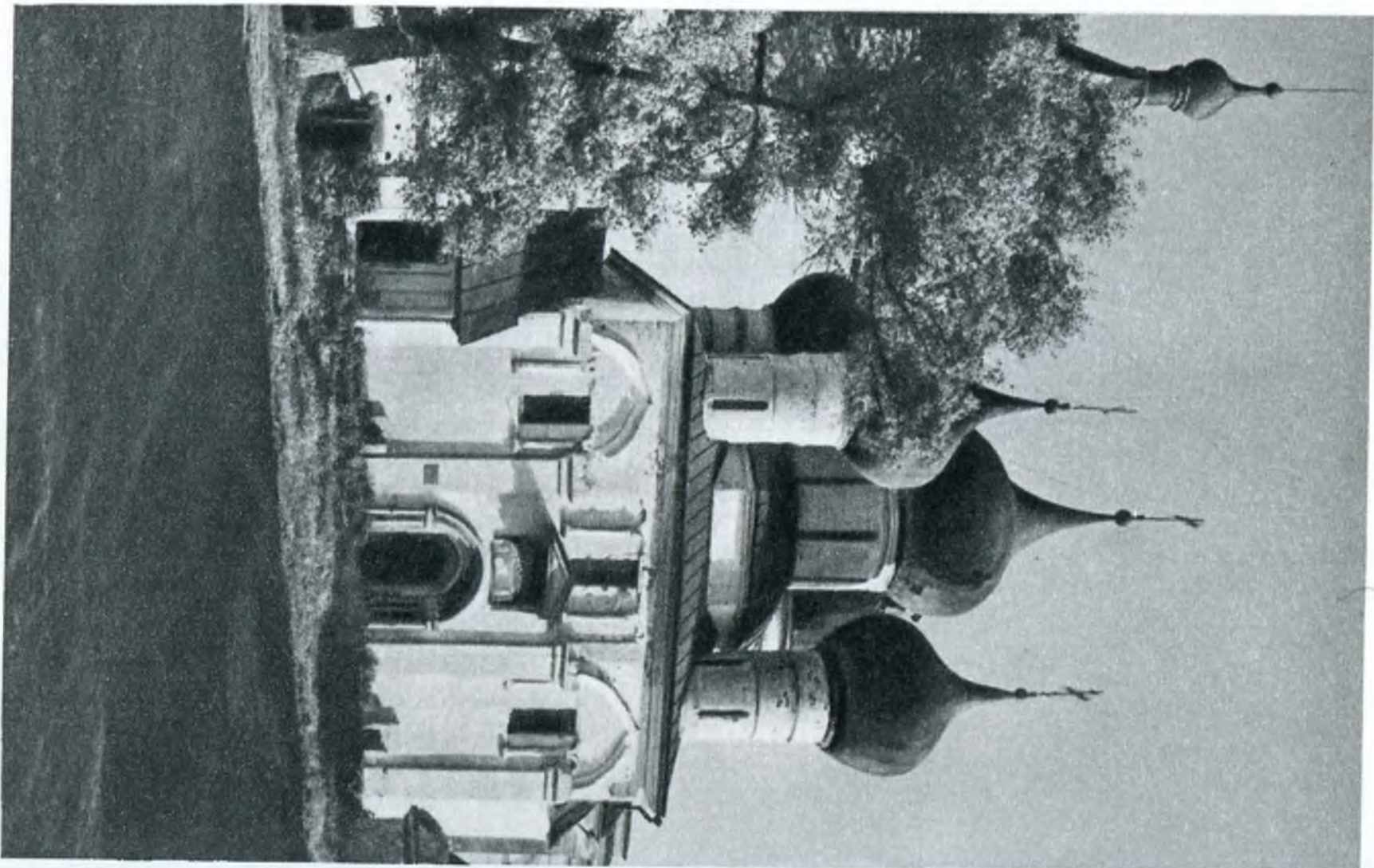
*Успенский собор Стариц-
кого монастыря. 1530*

Портал Успенского собора

выделил центральную главу храма, поставив ее на восьмигранный постамент, некогда украшенный килевидными кокошниками. Угловые же части храма он понизил, завершив их самостоятельными главами, также имеющими в своем основании декоративные кокошники.

Сейчас из-за поздних переделок трудно представить себе, как он выглядел первоначально. Новая кровля нарушила живописную систему завершения собора, лишив памятник своеобразия. Затрудняет его восприятие и Троицкий собор.

Рассматривая декоративные детали в убранстве Старицкого собора, невольно подмечаешь общие черты с Успенским собором Московского Кремля. Много общего содержится, например, в настенном поясе из тонких удлиненных колонок, в килевидном перспективном портале с сильно выдающимися вперед капителями. Видимо, знаменитый Московский Успенский собор, возведенный отцом, еще с детства поразил воображение князя.

Внутри собор хоть и не велик, но выглядит достаточно просторным и светлым за счет широко расставленных столбов и подпружных арок.

Владимир Старицкий продолжил строительство монастыря. Он обнес его каменными стенами с зубцами, по углам поставил круглые башенки, крытые шатрами. Он же украсил собор внутри, устроив трехъярусный иконостас (сохранившаяся настенная роспись относится к недавнему времени — концу XIX — началу XX в.). В ризницу были даны вкладом ценные богослужебные книги, церковные сосуды и шитые пелены. В числе вкладов находилась плащаница, шитая золотом и серебром по красному шелку, с дарственной надписью от любимой жены Ивана Грозного — княгини Анастасии Романовой.

Под собором — большой подклет, сложенный из белого камня, он предназначался, возможно, для погребения членов княжеской семьи и настоятелей. Позднее, во время пребывания Грозного в Старице, здесь был устроен подземный ход, прорытый под Волгой, с выходом к городскому Борисоглебскому собору. Впоследствии его засыпали, а возможно, он был разрушен водами реки и затоплен. Так что поиски потайного хода в XIX веке местными любителями древностей так и не увенчались успехом.

Если обогнуть Успенский собор с северной стороны, то сразу за алтарем начинается другое здание — Троицкий собор. Он построен в 1819 году в формах классицизма, как усыпальница рода Тутомлиных, якобы ведущих свой род от монгольского хана Те-Мудзира. Со стороны западного — главного — входа расположен четырехколонный портик, столь обязательный для этого времени. В целом Троицкий собор отличает сдержанность, простота и лаконичность форм. Нижний этаж Троицкого собора был превращен в обширный склеп. В склепе имеется несколько памятников-изваяний, выполненных рукой незаурядного мастера. Но главной особенностью всего сооружения было то, что храм с усыпальницей общался круглым вырезом в полу, через который открывался вид на надгробия.

Одной из интереснейших построек монастыря является трапезная с церковью Введения. Ее воздвигли из кирпича по повелению Ивана Грозного в 1570 году в честь какого-то неизвестного нам события. Огромная трапезная палата имеет два этажа. В верхнем расположен большой трапезный зал, к которому с северо-востока примыкает теплая церковь. Над ней вознесся высокий каменный

*Троицкий собор Успенского
Старицкого монастыря.
1819*

шатер. В нижнем этаже находились обширные помещения для поварни, кладовых, погребов. Своды трапезной опираются на мощный квадратный столб, помещенный в центре. Принцип ее построения напоминает московскую Грановитую палату.

В 1681 году один из сильнейших пожаров опустошил Успенский монастырь: сгорели его кельи, житница, деревянная брусчатая колокольня XVI века и церковь Василия Анкирского на монастырских воротах. На месте последней в 1694 году на средства монастыря была построена новая — церковь Иоанна Богослова, она-то и просматривается между трапезной и собором.

Богословская церковь поставлена, как сказано выше, над монастырскими воротами. Однако в XIX веке после одного из весенних паводков, когда Волга вышла из берегов и затопила часть монастырского двора, арка ворот была заложена кирпичом. С тех пор въезд перенесли на более возвышенную западную сторону. Некогда

*Трапезная Старицкого
Успенского монастыря.
Вид внутри. 1570*

*Трапезная с церковью
Введения в Старицком
Успенском монастыре*

входную арку ворот, на которой стоит церковь, украшали парные полуколонны и фриз поребрика. По верхней части сооружения шла открытая аркада небольшой галереи. Своими декоративными формами она выгодно оттеняла массивный восьмерик основного храма.

В настоящее время небольшой храм находится в запущенном состоянии. Галереи разрушены, кладка стен сильно выветрилась, крыша нуждается в починке. Тем не менее и сейчас еще церковь привлекает к себе внимание, подкупает изяществом своих незатейливых форм, изысканным рисунком общего силуэта.

В Успенском монастыре сохранилось несколько интересных надгробий. Одно из них принадлежит первому русскому патриарху Иову, уроженцу города Старицы, крупному политическому деятелю конца XVI века. В свое время он выступил против Лжедмитрия I, за что и был отстранен от патриаршества. Переодетый в одежду простого монаха, Иов был отправлен в ссылку в родную

Старицу, где вскоре он и скончался в одной из келий Успенского монастыря. Тело патриарха через сорок с лишним лет было захоронено в Московском Успенском соборе. А в Старице сохранилось первоначальное надгробие, которое можно увидеть теперь в нижней подклеточной части колокольни. Это плита из местного известняка с красивым орнаментом, повторяющим узор цоколя северной стены Спасской церкви в Коломне, где Иов находился епископом до избрания его на патриарший престол.

Первоначально на месте захоронения Иова поставили в его память небольшую часовню, а в конце XVII века (в 1686 г.) соорудили колокольню. Это кирпичное трехъярусное сооружение, крытое шатром, с традиционными небольшими наличниками над маленькими окошками. Каждые четверть часа установленные наверху часы с боем издавали мелодичный звон, который далеко разносился над Волгой.

*Церковь Иоанна Богослова
в Старицком Успенском
монастыре. 1694*

Монашеские кельи в Успенском монастыре ныне представляют собой обширное двухэтажное здание. Сооружены они в XVII веке и значительно перестроены в XIX столетии.

В южной стороне от Успенского собора среди разросшихся кустов небольшого кладбища привлекает к себе внимание надгробный памятник в виде массивной белокаменной пирамиды на прямоугольном основании. Мемориальная доска украшена высеченными в камне гирляндами. Надпись частично стерлась, но все же можно прочесть, что похоронен здесь Глебов, екатерининский вельможа, известный организатор поселений сербских эмигрантов в России. Внутри гробницы на пьедестале стоит каменный саркофаг, также украшенный гирляндами.

Осмотрев достопримечательности монастыря, мы направляемся к главным воротам, обращенным к городу. Это довольно странное сооружение по своему виду —

*Башня ограды Старицкого
Успенского монастыря*

массивное четырехугольное основание с узкой аркой входа и высокой башенкой. По высеченной на стене надписи узнаем, что ворота поставлены в 1885 году на средства одного из настоятелей. Видимо, автор хотел придать главному входу в монастырь особую значительность, но получилось довольно нескладное сооружение, как-то выпадающее из всего ансамбля. А может быть, это впечатление создается из-за того, что монастырских стен больше не существует (фрагмент стены сохранился лишь в северной части монастыря) и только полуразвалившаяся башня в углу напоминает о том, что простояли они здесь несколько веков.

Оставив позади Успенский монастырь, направляемся к мосту. Красивый, недавно выстроенный, с высокими взлетами ажурных переплетов, он свободно парит над водой, соединяя обе части города. Раньше мост был построен от нижних монастырских ворот прямо к горе, минуя кузницы и базарную площадь. Теперь, сойдя с моста,

*Старицкий Успенский
монастырь. Мавзолей
Глебова-Стрешнева.
XVIII в.*

оказываешься на центральной городской улице, по которой проходит основная магистраль, соединяющая Старицу с городами — Ржевом, Волоколамском и другими.

Попадая в Старицу, нельзя оставить без внимания высокое плато с геометрически ровными линиями, безлюдное, густо заросшее травой, на котором одиноко возвышается огромный собор с высокой колокольней. Это и есть знаменитое старицкое городище, одно из немногих в нашей стране по высоте и сохранности своих земляных укреплений.

Поднявшись на крутизну городского вала, вступаешь в черту старого города. Самая возвышенная часть холма имеет форму треугольника, основанием которого служит второй вал. Вдоль одной стороны треугольника протекает Волга, другую омывает небольшая речка Старица, впадающая в Волгу, некогда глубокая и широкая. Здесь, на пустынном теперь месте, начиная с 1297 года, когда «срублен бысть город на Волзе, ко Зубцову на Старице»,

и вплоть до XVII века «кипела жизнь, бушевали человеческие страсти, раздавались призывные звуки ратных труб...»

На склоне одного из валов четко вырисовывается бронзовая скульптура воина — памятник на братской могиле советских солдат, павших за освобождение города от фашистских захватчиков. Страшная тень второй мировой войны легла и на Старицу, обогрела кровью древние валы города, разрушила старые здания. И здесь, как сотни лет назад, сражались русские люди, отстаивая свою независимость и свободу от иноземных захватчиков.

С городища открывается, пожалуй, самая красивая панорама Старицы и ее окрестностей. Стоя на крутом берегу Волги, постигаешь обаяние русской природы, красоту живописных зданий Успенского монастыря и близлежащих селений, восхищаешься умением наших предков выбирать места для постройки городов. Вспоминается одно из интересных литературных произведений Тверского княжества — «Инока Фомы слово похвальное», в котором рассказывается о выборе места для одного из тверских городов, «яко же граду приходно быть». «Совет всех людей» решил остановиться на таком месте, которое раньше было «ником не копано, не сыпано», возле реки, пригодном для будущего поселения. Выбор места для города всегда играл огромную роль в жизни людей. Видимо, и наши далекие предки, выбирая место для поселения, так же как и мы, любовались рекой, лесом, безбрежными далями, вечерними зорями.

Основание Старицы отмечено летописью в конце XIII века, хотя предметы, найденные по берегам Волги, датируются X—XII столетиями. Свое же нынешнее название город получил только в конце XV века. До этого времени его именовали то Новым городком, то Городком на Старице, то Высоким городком. Откуда и как возникло название «Старицы» — сейчас сказать трудно. Возможно, оно произошло от впадающей в Волгу Верхней Старицы, бывшей когда-то старым руслом великой реки.

С названием города связана народная легенда. Она повествует о том времени, когда город непрерывно осаждали враги. Узнав о том, что литовцы подступают со всех сторон, жители сделали подкоп под Волгой и спрятали в подземелье свое имущество и драгоценности. Литовцы взяли город приступом и увидели, что грабить нечего. В отместку они перебили всех жителей, а город сожгли до основания. Придя на помощь, тверской князь застал в живых только одну-единственную дряхлую старицу с

Часть древнего городского вала Старицы

клюкой, которая пряталась в береговой пещере. Город больше не существовал, от него остались одни развалины да мертвая, выжженная земля. По повелению князя Михаила Ярославича, племянника Александра Невского, и был построен новый город. От старухи будто бы он и получил свое название — Старица.

Эта легенда нашла свое отражение в гербе города Старицы, на котором была изображена согнутая фигура старой женщины с клюкой. Рисунки гербов порой сохраняют в своих изображениях поэтические народные сказания о давно минувшем.

С конца XIII столетия Старица представляла собой город-крепость, подобно таким городам, как Опока, Родня, Белгород, которые защищали водные и сухопутные дороги, ведущие к центру Тверского княжества — к Большой Твери. С юга сторожами стояли Холм, Микулин, Клин, Городня. Правда, эти города возникли позднее, когда грозным противником Твери стала Москва.

Весьма благоприятным для роста города оказалось XIV столетие. К этому времени посад значительно вырос и занял противоположный берег Волги. Для защиты Старицы в 1390 году по приказу тверского князя Михаила Александровича «прибавеше нового городка на Волзе с приступа и ров около копали». Так появился еще один мощный вал, защитивший жилища посадских ремесленников в дни военных бедствий. Этот новый оборонительный пояс увеличил территорию города, рядом появилось новое городище. Тверской князь не ограничился сооружением оборонительных укреплений. Он построил княжескую резиденцию — терем, где время от времени жил со своим семейством в окружении бояр и челяди. Тогда же в честь своего патрона — архангела Михаила князь поставил в городе церковь. Только в необычайно жаркое и сухое лето 1395 года, рано утром, как сообщает летопись, «от грома» загорелся город, в числе городских построек погибла в пламени пожара и церковь Михаила.

Но стихийное бедствие не остановило князя. Возведение городских построек было возобновлено с новой силой, и через три года на горе поднялся новый каменный храм архангела Михаила. А несколько позднее, в 1404 году, преемник князя построил другой храм — в честь Николы.

Древние памятники тверского зодчества до нас не дошли. Они были разрушены во время польско-шляхетского нашествия в 1606 году. Археологические раскопки, проводимые в 1903 и 1949 годах, вскрыли остатки древних сооружений Старицы. Те, кто здесь жил и созидал на протяжении нескольких сот веков, заслуживали того, чтобы искать их след, изучать их творения, рассказывать об их делах людям. И вот теперь благодаря работам археологов мы можем, хотя бы приблизительно, судить о первоначальном облике сооружений, украшавших город.

По предположению видного советского исследователя архитектуры северо-восточной Руси Н. Н. Воронина, один из главных храмов Старицы — каменный собор архангела Михаила — по своим формам напоминал прославленные сооружения владими́ро-суздальской земли. Храм был, видимо, одноглавый, поставленный на высокий подклет (цокольный этаж), а к порталам вели широкие лестничные всходы.

Есть все основания (о чем говорят дошедшие до нас фрагменты) считать храм красивым и богато украшен-

ным сооружением. Стены его были расписаны фресками в нежной и прозрачной цветовой гамме, алтарь выстлан зелеными майоликовыми плитами, а остальная часть — белокаменными. Возможно, что и во внешней отделке храма были использованы декоративные мотивы владими́ро-суздальской архитектуры — крылатые драконы, птицы, павлины, барсы. Эти же изображения часто встречаются на многих изделиях тверских медников. Жители Старицы также широко славились литейным мастерством, о чем свидетельствуют найденные предметы старинного литья, частые находки кладов в окрестностях города. Позднее они составили коллекции в Тверском музее (ныне Калининском).

Долгое время оставался загадкой буквообразный орнамент на остатках фресок, найденных в 1903 году, с изображением завес, какие обычно опоясывают низ внутренних стен храма. Принимали его за тайнопись, находили в нем сходство с грузинским шрифтом «хуцури», объясняя его появление связями Руси с Кавказом в период супружества Грозного с Марией Темрюковной. Позднее выяснилось, что подобный же орнамент встречается на иконах Ростова Великого и в росписях Владимирского Успенского собора. Видимо, его появление в Старице объясняется общностью культур русских городов — Москвы, Владимира, Твери, тесно соприкасавшихся друг с другом.

Церковь Николы, заложенная в 1404 году князем Иваном Михайловичем, представляла собой небольшой и тоже одноглавый бесстолпный храм.

После присоединения Старицы к Великому княжеству Московскому в конце XV века город сделался еще более богатым и «заметным». Его отстраивали и украшали князья Старицкие, затем Иван Грозный. Царя привлекли стратегическое расположение Старицы, богатство природы, изобилие дичи в густых лесах, в которых Грозный любил охотиться еще при жизни Владимира. В период ведения Ливонской войны город укрепили: подсыпали земляные валы, основную часть с соборами и теремами обнесли каменной крепостной стеной протяженностью в 1300 метров. Высота стен достигала трех метров. Над городскими стенами поднялись 13 башен. Для гарнизона стрельцов, несших сторожевую службу в Старице, и пушкарей были выстроены новые дворы, разместившиеся на городских посадах. Некоторые улицы в городе еще долго сохраняли такие названия, как Стрелецкая, Пушкарская, свидетельствуя о профессии их обитателей.

*Борисоглебский собор
в Старице. 1558—1561
Фасад собора в чертеже,
сделанном в 1803 году*

Одной из самых интересных и замечательных построек в Старице второй половины XVI века был собор Бориса и Глеба, поставленный по повелению Грозного на старом городище. Это было ни на что не похожее сооружение, возведенное в довольно короткий срок, между 1558—1561 годами. Собор представлял собой группу из пяти восьмигранных башен, крытых каменными шатрами. Средняя башня была самая высокая и достигала тридцати с лишним метров. Вся группа из пяти шатровых храмов стояла на высоком подклете, окруженном арочной галереей. По характеру своего архитектурного решения собор приближается в чем-то к знаменитому храму Василия Блаженного в Москве и церкви в Дьякове — этим необычным памятникам архитектуры XVI столетия. Но если фасады собора Василия Блаженного и Дьяковской церкви богато испещрены и украшены разнообразными, неповторяющимися формами, то фасад Борисоглебского собора отличался крайней сдержанностью и

даже скупостью декоративного убранства. Стены украшала каменная резьба и небольшие цветные изразцы, искрящиеся на солнце. Они придавали ему оттенок праздничности и сдержанной изысканности. Если принять во внимание еще и высоту городища, то картина Старицы с Борисоглебским собором, который возвышался на нем, как огромный невиданный храм-город, предстает действительно потрясающей.

По смелости высоких башнеобразных храмов, по силе и лаконизму архитектурных форм старицкий собор занимает совершенно особое место в архитектуре шатровых храмов. Были у собора еще две примечательные особенности: изразцовое панно с изображением распятия и пояс надписи под карнизом центрального шатра. Надпись гласила, что храм «был зачат родителем на поминовение и в память прочим родам и сему граду на украшение и утверждение от противных супостатов и всем христианам на спасение...».

Тайный укор Грозного князьям Старицким и своего рода предостережение на будущее звучали в этих словах, запечатленных на каменных стенах собора. Недаром многие видели в этом необычайном сооружении своего рода символ победы Грозного над удельными князьями. Но можно также думать, что сооружение старицкого собора и его посвящение Борису и Глебу, патронам русского воинства, были связаны с желанием увековечить победу над татарами, с взятием Казани.

По повелению Грозного в эти годы был не только выстроен собор Василия Блаженного в Москве, но и возведен ряд шатровых храмов, посвященных этому же событию.

Изразцовое «Распятие», располагавшееся на центральной грани западного фасада главного шатрового храма, видимо, погибло при сломке собора. Его фрагменты «глиняные, муравленные», по свидетельству очевидцев, были найдены в турсере щедбя на городище и переданы в 1887 году в Тверской музей (ныне утрачены). На уцелевшей части большого изразца находилась верхняя половина фигуры Христа со склоненной головой. Лаконизм рисунка, как и обобщенность форм низкого рельефа, свидетельствовал о высоком мастерстве художника-монументалиста. Он рассчитал свое произведение на дальнюю точку зрения. Великолепные полупрозрачные глазури — желтая, покрывающая фигуру Христа, оранжевая для венцов и креста, зеленая для фона — отличались чистотой тона и хорошим качеством обжига.

По-видимому, из того же Борисоглебского собора происходят керамические, покрытые глазурью рельефы, вставленные в стены ныне существующего нового собора, преемника древнего храма.

Судьба старого, прославленного собора сложилась печально. Расцвет Старицы продолжался недолго. Тяжелый удар был нанесен польско-литовскими войсками в начале XVII века. В результате внезапного нападения Старица была жестоко разгромлена и сожжена, после чего город превратился в заурядный и запущенный провинциальный городок. В огне погибло большинство деревянных зданий Старицкого кремля, Успенский монастырь и посад. Монастырская и соборная казна, царские дарственные грамоты, акты и другие многочисленные документы были захвачены и увезены поляками. Вот почему многое из истории ценнейших памятников Старицы остается неясным и, по-видимому, навсегда утраченным для нас. После разгрома уцелело не много, сильно пострадали и каменные здания. Они стояли «пусты, без пения», в том числе знаменитый собор Бориса и Глеба. Он сильно обветшал. Разрушенный огнем, выдолбленный ветрами и ливнями, собор нуждался в ремонте. В первые десятилетия XVII века местные власти, за неимением других помещений, использовали его как острог и приказную избу для подьячих. В его подвалах хранились пушки и остатки порохового запаса. О состоянии собора можно судить по одной из челобитных, адресованной царю: «Я холоп твой сижу твоими государевыми делами в паперти у Бориса и Глеба и тут... в дошь капель, в городской пожар на паперти кровля сгорела... идет к осени приюту нет».

Поскольку Старица была близка к западной границе и по-прежнему представляла важный стратегический пункт в обороне Русского государства, встала необходимость восстановить ее оборонительные сооружения. Царь Михаил Федорович приказал набрать для Старицы двести человек стрельцов, но по донесению местного воеводы оказалось, что в городе нет ни посадских дворов, ни острогов, ни «вольных охочих людей». Силами присланных Москвой мастеров, собранных из разных мест, были наконец восстановлены крепостные стены Старицы. Однако ее здания и соборы стояли по-прежнему не отремонтированными и заброшенными. Их состоянием воспользовался в 1658 году патриарх Никон, запретивший постройку шатровых храмов. По его мнению, они выражали то «обмирщение» русской художественной культуры, которое

*Борисоглебский собор
в Старице. 1820*

властно вторглось в искусство, находившееся под контролем церкви. Патриарх распорядился начать разборку знаменитого собора в Старице. Однако опала, постигшая Никона, предотвратила сломку этого выдающегося памятника древнерусского зодчества.

Собор благополучно простоял еще целое столетие, но в 1803 году все же был разобран «за ветхостью». К счастью, перед сломкой его обмерили и сняли чертежи. Конечно, суховатые чертежи начала XIX века не в состоянии были передать все своеобразие архитектуры этого собора, в особенности его изящный декор, но и то небольшое, что мы имеем, выдвигает Борисоглебский собор в Старице на совершенно особое место в истории русского зодчества.

Память о незаурядном храме долго сохранялась среди жителей Старицы. В XIX столетии на месте сломанного собора даже поставили невысокий памятник в честь несуществующего храма.

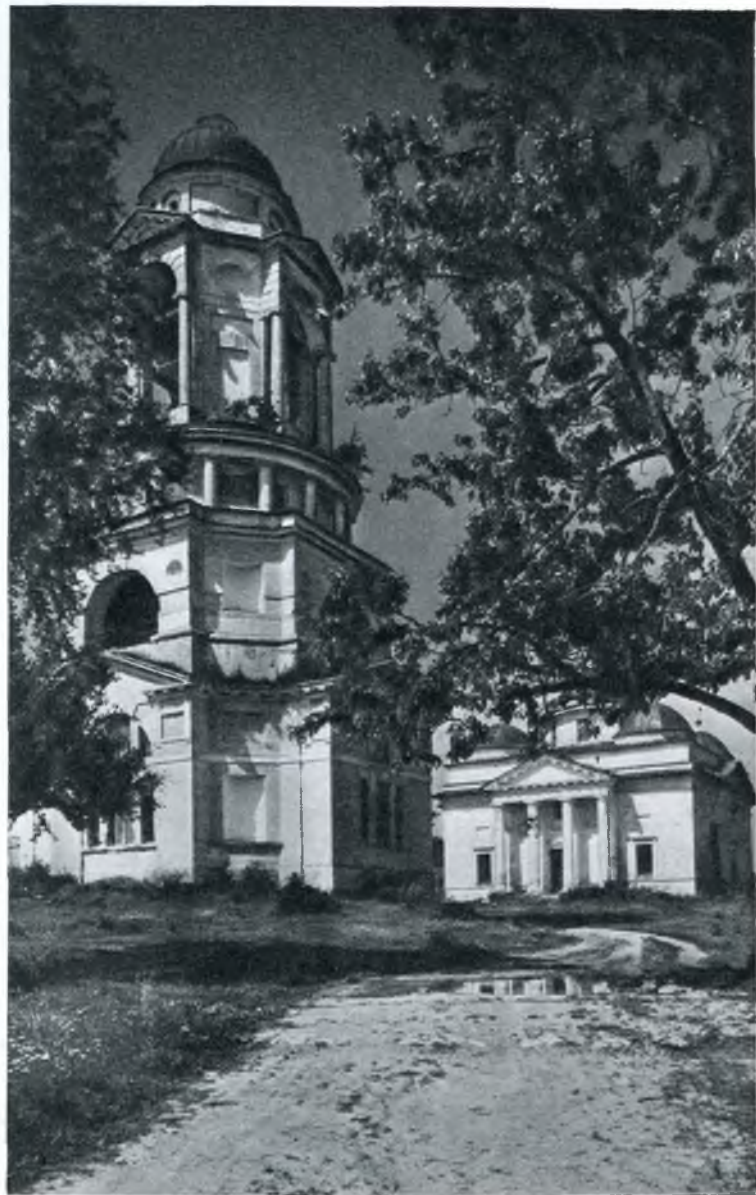
Два десятилетия спустя, в 1820 году, был сооружен новый Борисоглебский собор. Он расположен на территории городища, ближе к позднему валу, и доминирует над всей возвышенностью.

Собор решен в виде огромного куба, к которому с юга, запада и севера примыкают классические портики. Четкий массив здания увенчан пятью куполами, из которых центральный — световой. Боковые же выполняют лишь декоративную роль, осуществляя своего рода плавный переход от кубического объема к центральному куполу. Как снаружи, так и внутри собор отличается простотой убранства. Обычная для этого времени декоративная лепнина отсутствует, благодаря чему здание выглядит несколько суровым и неприветливым. Единственная декоративная деталь в его облике — это красивый по профилю аттик, завершающий карниз. На его фоне выступают фронтоны портиков тосканского ордера. Подобная сдержанность архитектурного языка заставляет предполагать,

*Борисоглебский собор
и колокольня (1827)
в Старице*

что проект был создан намного раньше, когда любили простые, ничем не украшенные формы. Борисоглебский собор, как и многие памятники этого времени Калининской области, часто связывают с именем выдающегося архитектора Карла Росси. Он действительно принимал участие в создании многих сооружений Тверской губернии. Однако его авторство в Старице документально нигде не подтверждено.

Еще в прошлом веке получили широкую известность изразцы Борисоглебского собора. Одно такое изразцовое произведение — «Распятие» — находится на южной стене, другое, с изображением «Нерукотворного Спаса», — на восточной. Многие склонны считать их изразцами старого Борисоглебского собора. Однако действительное происхождение и первоначальное расположение этих изразцов остаются загадкой. Бесспорно только то, что они древние и, по-видимому, XVI века, о чем красноречиво говорят покрывающие их прозрачные глазури зеленова-

*Пятницкая церковь
в Старице. 1750. Вид
с вала*

того, желтоватого и оранжевого тонов. Но по характеру фигур, лепке и обжигу они мало похожи на изысканные по рисунку изразцовые фрагменты из древнего старицкого собора.

Говоря о керамическом убранстве Борисоглебского собора, нельзя не вспомнить о двух других изразцах — распятии и изображении Георгия Змеборца в круге, находящихся на стенах ныне отремонтированного Дмитровского собора. Судя по всему, они выполнены были старицкими керамистами. В то время князь Владимир Андреевич владел Дмитровом, переданным ему Грозным в обмен на Верею и другие города. Дмитровские рельефы выполнены в той же технике светлых полупрозрачных глазурей, как и старицкие изразцы, они отличаются совершенством композиций, высоким качеством обжига и тонкой колористической гаммой.

Если княгиня Ефросинья Старицкая проявила свое меценатство в области шитья, то ее сын, князь Владимир,

проявил те же наклонности в области монументальной керамики.

Старицкая поливная керамика по своим высоким качествам занимает совершенно особое место в русском изобразительном искусстве XVI века.

Рядом с Борисоглебским собором возвышается еще одно сооружение начала XIX столетия — это колокольня (1827). Несмотря на несколько запоздалые для своего времени формы зрелого русского классицизма конца XVIII века, она по-своему довольно интересна. В противоположность простым и ясным формам собора колокольня более сложна и дробна, о чем, например, свидетельствует небольшая дорическая колоннада, которая связывает второй ярус с третьим и делает здание достаточно оригинальным. В массивном первом ярусе расположена теплая церковь с купольным сводом. В 1878 году к колокольне добавили пристройку, сильно испортившую ее силуэт.

Мы покидаем городище, высокий холм, похожий на спящий курган, который плотно покрыла мягкая сочная трава. Уже не отыскать и следов крепостных стен и высоких башен. Военно-стратегические планы Петра I не коснулись Старицы. С переносом границы Русского государства дальше на запад и получением выхода к Балтийскому морю Старица утрачивает свое бывшее значение города-крепости. Укрепления, ставшие бесполезными, разрушаются и вскоре исчезают вовсе. И, глядя сейчас на это тихое место, на валы покинутого городища, трудно поверить, что здесь строились дома, процветали ремесла и торговля, а в соборах возносились молитвы...

На склоне городища, будто бы прислонившись к горе, стоит еще один интересный памятник — Пятницкая церковь. Она отличается сложной, но строго упорядоченной композицией, хорошо связанной с окружающей гористой местностью. Раньше Пятницкая церковь была связана с классическим храмом и колокольной широкой чугунной лестницей, которая спускалась сверху к базарной площади. Недаром и церковь была поставлена также на площади и посвящена Параскеве Пятнице — покровительнице торговли. Основная часть храма, построенная в 1750 году, имеет кубическое основание и несет типичный для того времени восьмерик, увенчанный небольшой главкой. Декоративные элементы убранства свидетельствуют о еще не изжитых формах русского зодчества конца XVII столетия. По сторонам основного храма

*Жилой дом в Старице.
XVIII в.*

стоят самостоятельные приделы-ротонды, построенные в 1825 году. Дорическая белокаменная колоннада, хорошо найденная по форме, связала храм с приделами в одну живописную группу. В результате образовался редкий по построению и достаточно эффектный архитектурный ансамбль, чем-то напоминающий своим видом своеобразный миниатюрный монастырь. В облике этого здания есть что-то удивительно уютное, камерное и располагающее.

Недалеко от Пятницкой церкви на возвышенности встречается с еще несколькими оригинальными сооружениями конца XVIII века. Это — кузницы. Когда-то в Старице кузнечное дело и ручнаяковка серпов, лопат, подков были едва ли не главными специальностями городского населения. Кузницы сохранились как немые свидетели минувшего. Сложены они, судя по датам, на камнях в конце 90-х годов XVIII столетия из остатков стен и башен Старицкого кремля, возведенных в эпоху Гроз-

*Пятницкая церковь
в Старице. XVIII в.*

ного в 1579—1580 годах. Сами кузницы находятся в земле городского вала и выложены из тесаного камня. Снаружи они представляют собой ряд каменных арок, завершенных фронтончиками и другими деталями. В тимпанах этих фронтончиков кое-где виднеются высеченные на камне даты их построек. Аркада кузниц, обращенная к городу, хорошо связывалась с аркадой торговых рядов на площади (ныне не существующих).

От кузниц и старого городища мы спускаемся к Волге. Нельзя не полюбоваться рекой вблизи, не побывать у подножия древнего города. Волга в этом месте довольно широкая, течение быстрое, хотя издали волны похожи на рябь от ветра. Вода чистая, стального оттенка. Широкое русло уходит вдаль между зеленеющих берегов и песчаных круч.

На протяжении почти двух последних столетий Старица была довольно крупной пристанью на Волжско-Балтийском пути. В 1796 году город в результате нового

административного деления России сначала на провинции, а затем губернии становится центром Старицкого уезда Тверской губернии. Через Старицу шли хлеб, мясо и другие продукты в Петербург. Груженные баржи и тяжелые пароходы шумом и гудками днем и ночью тревожили берега Волги. В самом городе в это время возобновляется строительство общественных зданий, церквей, домов для городских жителей. Многие из них возводились из кирпича и местного камня. В каменоломнях под городом издавна добывали известковый белый камень, его отправляли в разные места. Из него строили дома и в самой Старице, отчего город выглядел нарядным и уютным. Белые двухэтажные домики с каменными воротами придавали улицам особое очарование, особенно весной, когда зацветали густые сады. Еще и сейчас, гуляя по городу, можно встретить такие постройки XVIII—XIX веков. По сторонам центральной улицы стоят и поныне эти немудреные, по старинному выражению, все «под одну крышу» здания. Их характерной особенностью является арка-вход в центре фасада, что невольно заставляет вспомнить об аналогичном облике столичных зданий этого же времени. Правда, многие дома в настоящее время в значительной мере переделаны.

У большинства старинных домов по старой традиции стоят невысокие лавочки. Раньше, как только начинало смеркаться, жители спешили на улицу к воротам посидеть на лавочке. В прошлом веке развлечений в Старице было не много — изредка заезжал кто-либо посмотреть на древности города или останавливался военный полк. В середине XIX столетия с проведением железной дороги Старица превращается в обычный тихий уездный городок. Порой устраивались спектакли приезжими актерами или происходили гулянья по главной замощенной улице города. Здесь же возле базарной площади сооружались по праздникам карусели и ставились балаганы. И сейчас еще сохранилось здание, стоявшее при въезде на центральную улицу. Круглое в плане, с конусообразной крышей, украшенное полуколоннами, оно было построено в начале прошлого века как торговое сооружение, в котором купцы продавали «прохладительные» напитки во время народных гуляний. Точно такое же здание, парное к нему, было построено и на другой стороне улицы. Видимо, работавшие здесь архитекторы руководствовались определенными градостроительными приемами, несмотря на известную трудность в топографии города.

Осматривая достопримечательности Старицы, нельзя забыть о том, что здесь бывал А. С. Пушкин. Старица бережно хранит память о великом поэте. Осенью 1828 года Пушкин был проездом в Старице, танцевал на балу у старицкого исправника. Здесь он отдыхал после длинной дороги. Возможно, что поэт бродил по городу, любовался с высоты пустынного городища на монастырь, на золотые леса, на дальние дороги, пропадающие в рыжих полях, на быструю Волгу, переливающуюся серебристой рябью.

С пребыванием Пушкина связаны еще три усадьбы, расположенные под Старицей,— в Павловске, Малиниках и Бернове, принадлежащие Вульфам. С одним из братьев поэт был особенно близок, называя его «милейший Павел Иванович». При каждом удобном случае он навещал его в имении Берново. Не все усадьбы, в которых отдыхал Пушкин, теперь сохранились, но до сих пор живет предание о невысокой горе, заросшей густым кустарником и деревьями, называемой «парнас». Сюда частенько заглядывал Пушкин, и возможно, что именно здесь он написал ряд своих стихотворений, посвященные к «Полтаве» и знаменитую «Русалку». Интересно вспомнить, что сюжетом к пушкинской поэме послужила история, якобы происшедшая в действительности с дочерью мельника. Его красавица дочь полюбила барского камердинера, которого барин отдал в солдаты. С отчаяния девушка утопилась в пруду возле мельницы. Действительно, вид омута, запущенный пруд неподалеку от берновской усадьбы, вековые деревья старого парка и обступающий со всех сторон лес навевают особое, тревожное настроение. Это же место запечатлено в известной картине И. Левитана «У омута».

Художник отдыхал в соседнем имении. Как-то, гуляя по окрестностям, он неожиданно натолкнулся на пруд со старой, полуразвалившейся плотиной. Садилось солнце, сумрачный лес погружался в тень. Недвижимы были воды омута с непроницаемой черной глубиной. Пораженный этим необычным пейзажем, Левитан захотел запечатлеть его в этюде. Здесь же он услышал рассказ о трагической истории, происшедшей у заброшенной мельницы много лет назад. Узнал художник и о том, что на этом месте частенько сиживал Пушкин. Целую неделю писал Левитан этюд на берегу омута, по которому впоследствии он создал большое полотно. Ему удалось передать ощущение таинственности и угрюмости этого места.

Прощаясь с милой Старицей, с ее привольными окрестностями, мы заканчиваем наш небольшой рассказ о древних городах, расположенных на старой тверской и новгородской землях.

Перед нами прошли и промелькнули многие памятники старины, открылись незабываемые пейзажи Валдайской возвышенности и среднерусской полосы, воскресла давняя история...

И если после знакомства с этой небольшой книгой у читателя появится желание побывать в этих местах, побродить по заросшим тропам Валдая или по тихим улицам старинных русских городов, чтобы увидеть все это своими глазами, то можно считать, что основная задача автора выполнена.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Арсений, Историческое описание Старицкого Успенского монастыря, Тверь, 1895.
- М. В. Будылина, О. И. Брайцева, А. М. Харламова, Архитектор Н. А. Львов, М., 1961.
- О. Волков, Древний Торжок. — Журн. «Звезда», 1965, № 9.
- А. Н. Вершинский, Города Калининской области, Калинин, 1939.
- Н. Н. Воронин, Строительство в Тверском княжестве конца XIV — первой половины XV в. Строительство в Старице. — «Зодчество северо-восточной Руси», т. 2, М., 1961.
- А. К. Жизневский, Изразцы на старицком соборе, построенном в 1561 году, Тверь, 1888.
- А. К. Жизневский, Поход великаго государя святейшего Никона патриарха Московского, вся Великия, Малыя и Белья России в 1656 году в Тверь, Вязьму и Иверский монастырь, Тверь, 1889.
- И. Грабарь, Каменное зодчество эпохи расцвета Москвы. — «История русского искусства», т. 2, М., 1910.
- Ф. И. Зубарев, Старица и Вознесенский монастырь, Старица, 1914.
- Илиодор, иеромонах, Историко-статистическое описание города Торжка, Тверь, 1860.
- М. А. Ильин, Каменная летопись Московской Руси. Светские основы русского каменного зодчества XV—XVII вв., М., 1966.
- И. П. Крылов, Археологические раскопки в бывшем Старицком кремле, Старица, 1907.
- И. П. Крылов, Достопримечательности в Старицком уезде, Старица, 1915.
- И. П. Крылов, Старица и ее достопримечательности, Старица, 1915.
- И. П. Крылов, Материалы для истории города Старицы, вып. I, Старица, 1915.
- М. В. Рубцова, Тверь в 1674 году по Пальмквисту, Тверь, 1902.
- «Памятники зодчества, разрушенные немецкими захватчиками», вып. II, М., 1944.
- «Старицкий музей». Краткое описание Старицкого музея, Старица, 1930.
- «Старица». — Журн. «Нива», 1877, № 6.

- А. А. Су слов, Город Торжок и Новоторжский район, г. Калинин, 1958.
- В. В. Тер ю х и н, Город Валдай, основанный императрицей Екатериною Великою, Спб., 1874.
- Н. Т и х о м и р о в, Старица. — Журн. «Архитектура СССР», 1941, № 2.
- И. П. Ра б о т н о в а, В. Я. Я к о в л е в а, Вышивка Калининской области. — «Русская народная вышивка», М., 1957.
- Ю. И. Ш а м у р и н, Калуга, Тверь, Тула, Торжок, М., 1913.

БАЛДИНА ОЛЬГА ДМИТРИЕВНА
ОТ ВАЛДАЯ ДО СТАРИЦЫ

Редактор

И. А. КУРАТОВА.

Художественный редактор

Е. Е. СМИРНОВ.

Художник

Ю. К. КУРБАТОВ.

Технический редактор

Т. В. ЛЮБИНА.

Корректоры **Р. М. КАРМАЗИНОВА**

и Н. Г. ШАХАНОВА.

A06262. Сдано в набор 2/VIII 1967 г.
Подписано к печати 10/XI 1967 г.
Формат бумаги 70×90^{1/32}. Бумага тиф-
дручная. Усл. печ. л. 4,4. Уч.-изд. л.
5,5. Тираж 60 000 экз. Изд. № 621.
Издательство «Искусство». Москва,
К-51. Цветной бульвар, 25. Заказ 1200.
Калининский полиграфкомбинат Глав-
полиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР. г. Кали-
нин, проспект Ленина 5, Цена 38 коп.

60 =
M-0041

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ

ИЗ СЕРИИ «ДОРОГИ К ПРЕКРАСНОМУ»:

Е. НИКОЛАЕВ. «ПО КАЛУЖСКОЙ ЗЕМЛЕ» (ОТ БОРОВСКОГО
ДО КОЗЕЛЬСКА).

Ю. ГЕРЧУК, М. ДОМШЛАК. «ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
ПАМЯТНИКИ ВЕРХНЕЙ ВОЛГИ»

(ОТ КАЛИНИНА ДО ЯРОСЛАВЛЯ).

С. ПОДЪЯПОЛЬСКИЙ. «ПО СУХОНЕ И СЕВЕРНОЙ ДВИНЕ»

В. МАРКОВИН. «В СТРАНЕ ВАЙНАХОВ»

(ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИЯ).